
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ИВАНЪ
БЕЗЗАБОТНАЯ ГОЛОВА
И
КУМЪ МАТВЕЙ.

ИВАНЪ
БЕЗЗАБОТНАЯ ГОЛОВА,
И
КУМЪ МАТВЕЙ
ИЛИ
БѢДОЙ УМА ПРИКУПИШЪ.

Нравственно-сатирической Романъ.

Смѣяться право, не грѣшно!
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно:
Карамзинъ.

Часть Первая.

МОСКВА.
Въ Типографіи Института Гг Лазаревыхъ.
1829.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Нобря 4 дня, 1829 года,

Цензоръ Владиміръ Измайловъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Милостивѣйшему Государю

КНЯЗЮ

АНДРѢЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

КОЛЬЦОВО-МОСАЛЬСКОМУ.

Двора Его Императорскаго Величества Оберъ Гофмейстеру, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ КНЯЗЬ!

Будучи удостоенъ Вашего милостиваго вниманія, я осмѣливаюсь поднести сей плодъ трудовъ моихъ, какъ знакъ нелицемѣрной благодарности къ благодѣянію Вашему. Благосклонное принятіе въ покро-

вительство Ваше онаго, учинитъ меня наиблагополучнѣйшимъ.

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

благодарный

Ѳедоръ Щеглова.

ИВАНЪ
БЕЗЗАБОТНАЯ ГОЛОВА
ИЛИ
ДОБРЫЙ КУМЪ МАТВЕЙ.

ГЛАВА I.

Читатели! вотъ исторія моей жизни, по день одной изъ важнѣйшихъ эпохъ моихъ, то есть, по день вступленія моего въ службу, и нѣкоторыя черты характеровъ моихъ предковъ, пересказанныя мнѣ памятливою

моею бабушкою. Ежели найдетѣ сіи собранныя записки любопытными и улыбнетесь на проказы Ивана беззаботной головы и добраго кума Матвѣя, какихъ на свѣтѣ, право, не много, то это будетъ одна изъ счастливыхъ минутъ моей жизни; а ежели они вамъ наскучатъ, то не раскаивайтесь, что заплатили за нихъ деньги. — На пути жизни всего много, и самый основательный человѣкъ можетъ обмануться; вотъ истина, которая подтверждается тысячами тысячь опытовъ. Вы обманулись, не унывайте! вы правы, такъ говаривалъ мой крестной отецъ Кумъ Матвей, такъ называли

его мои блаженной памяти родители; да и словоохотливая моя бабушка также обманулась: она конечно никогда не думала, что внукъ ея вздумаетъ нѣкогда выдать въ свѣтъ исторію своей жизни, и какъ водится посмѣяться надъ предразсудками стариковъ; но вѣкъ бабушекъ прошелъ безвозвратно, и ихъ закоренелыя фантазіи развѣялись какъ дымъ; нынѣ насталъ вѣкъ просвѣщенія и образованности, въ которомъ смѣло можно вывести себя на сцену міра.

Мое рожденіе.

День моего рожденія (1764 года Октября 6) былъ днемъ несказанной радости для моихъ родителей, Провинціальнаго Совѣтника Пафнутія Парамоновича Кривосудова и матушки моей Ефросиніи Еремѣевны, дочери знаменитаго въ свое время казеннаго подрядчика Еремѣя Власовича Хапунина. Нѣсколько лѣтъ родители мои желали имѣть наслѣдника своему движимому и недвижимому, родовому и благопріобрѣтенному имѣнію, и вотъ наконецъ родился я, но несказанная радость батюшки и матушки была помрачена на другой же

день нешуточною размолвкою, чуть чуть не стоившею послѣднихъ волосъ на обнаженной временемъ головѣ моего родителя. *Врагъ силенъ*, говаривала мая бабушка—и она права! Послѣ первыхъ восторговъ радости и послѣ первой опорожненной бутылки съ домашнею наливкою, за будущее здоровье новорожденнаго, отецъ мой заблагоразсудилъ посовѣтоваться со спутницею своей жизни о выборѣ кума, и сей выборъ былъ причиною размолвки. Матушкѣ моей хотѣлось пригласить въ кумавья и на крестины людей значительныхъ въ городѣ, и преимущественно чиновныхъ, и если не превосходящихъ по

табели о рангахъ моего батюшку, по крайней мѣрѣ съ нимъ равныхъ, а не ниже его; а батюшкѣ хотѣлось, по какой то врожденной, или закоренѣвшейся отъ времени привычки, пригласить людей богатыхъ; оба они были правы, ибо каждой имѣлъ свою цѣль: матушка моя, происходила по прямымъ и побочнымъ линіямъ изъ мѣщанскаго сословія; но вышедши за мужъ за совѣтника, она совершенно возненавидѣла прежнее свое состояніе и даже своихъ родныхъ допускала однажды только въ годъ въ свои покои, ей и во снѣ и наяву, мѣчтались цуги, огромныя палаты, богатые экипажи, наряды и прочее со-

ставляющее, такъ сказать, всю пищу тщеславія; батюшка же мой начавъ службу съ Копеистовъ, умѣлъ съ пользою употребить наставленіе учителя своего приходскаго дьячка Герасима, и въ 35 лѣтъ накопивъ, пополамъ съ грѣхомъ, какъ говаривалъ онъ, около полумилліона наличныхъ, да недвижимое имѣньицѣ, душъ въ 600, зналъ о возвышеніи своемъ въ чины, только по третнымъ подпискамъ въ полученіи жалованья, да по поздравительнымъ припасамъ своихъ доброхотовъ и истцовъ.—Чины, матушка насъ не кормятъ, сказалъ онъ во провержение доводовъ матушки, и кумъ четвернею къ намъ при-

капившій, право не будетъ пригоденъ моему сыну—помилуй, возразила матушка, да ты на старости съ ума сходишъ, чего тебѣ еще надобно, денегъ у тебя много, имѣніе славное, домъ какъ полная чаша, а ты все таки вьешся около откупщиковъ да подрядчиковъ! — То-та прямое глупое бабье разсужденіе, ни досадуй мнѣ, кабы покойной-та твой родитель не былъ казеннымъ поставщикомъ, не скопилъ умкомъ капитальца, да недалъ бы за тобою въ приданое 300 тысячь, ну,—скажи быть ли бы тебѣ Совѣтницею. Эхъ! Евфросинья Еремѣевна, посмотрика на предмѣстника моего, прежде бывшаго

Совѣтника Ивана Карповича, 30 лѣтъ служилъ онъ, получилъ орденъ и пенсіонъ при отставкѣ, а кто его знаетъ, кто уважаетъ? а живетъ-та, прости Господи мое осужденіе, грѣшной человѣкъ! живетъ-та онъ право хуже нашего прикащика Сережки, что въ степной нашей вотчинѣ. Намъ надобно кума такого, у котораго бы крестничекъ-то ходилъ въ серебрѣ да въ золотѣ; — а по мнѣ, возразила матушка, такъ не такъ, если у нашего Ванички крестнымъ-та будетъ какой нибудь Графъ или знатный Баринъ, такъ глядишъ онъ еще въ колыбелкѣ будетъ прапорщикомъ гвардіи, а тамъ чинъ за чиномъ, да

съ крестнымъ-та въ Питеръ, да куда нибудь и въ Губернаторы, такъ деньги-то сами придутъ; ну припомни: самъ ты говорилъ, что какъ былъ Канцеляристомъ, такъ бывало радъ радъ, какъ какой нибудь проситель подаритъ тебѣ полтину, а какъ сдѣлался Повытчикомъ, такъ и на сининькія не глядѣлъ, а какъ Секретаремъ сталъ, такъ безъ бѣлинькой къ тебѣ и не ходи; ну такъ не выгодно ли быть чиновнымъ? — Оно такъ, большому короблю, большое и плаваніе, да вотъ, что вѣдь Богъ знаетъ, будетъ ли умъ-та у нашего Ванюши, ну какъ, да его-то не будетъ, такъ денежки-то и при-

годятся, вѣдь и мнѣ Секретарское-то мѣсто стоило копѣечки, чуть чуть не все отдалъ, что нажилъ Повытчикомъ, — ну, чтожъ, пусть будетъ мой сынъ дуракомъ, да если онъ будетъ крестнымъ сынкомъ Графа или какого нибудь знатнаго Барина, такъ глупости его, вѣрь мнѣ, ни кто не примѣтитъ. — Опять глупое разсужденіе,— перервалъ отецъ мой наморщивъ лобъ, да какъ у крестника-то въ карманахъ будетъ пусто, такъ и крестной-та его знать не будетъ, еще съ двора столкать велитъ.—Ты заврался ужъ Пафнутій Еремѣевичъ, у знатныхъ людей еще и примѣровъ такихъ

не было.—Не было?—да тысячи, да на что говорить о знатныхъ баряхъ, твой батюшка, что за спица въ колесницѣ, да и тутъ, какъ разбогатѣлъ, да получилъ по милости благодѣтелей за поставку, кафтанъ да медаль, такъ загордился, что ужъ и своихъ узнавать не сталъ, не только бѣднаго крестника, что у насъ теперь сторожемъ на конюшнѣ, да и разорившагося отъ пожара брата роднаго, и того къ себѣ не принялъ, а заставилъ скитаться по міру.—Да, покойной та мой родитель былъ жалованъ не даромъ, и правду сказать, не очень уважалъ и вашу братью Совѣтниковъ, онъ зналъ, что дѣ-

лаетъ;—не уважалъ нашу братью? Господи! прости мое согрѣшеніе, да что онъ былъ за фря такая? Фря не фря, а все—таки ты бывало всякой праздникъ къ намъ, то съ поздравленіемъ, то съ увѣдомленіемъ, а началъ меня сватать, такъ ужъ не зналъ какъ и увиваться;—дурочка! да рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше; тогда было, одно запутанное дѣлишко по нашей Палатѣ, мнѣ былъ матъ, Уголовной бы не миновать, ну а у твоего-то батюшки, тогда вездѣ была рука, да и приданаго-то 300 тысячь за тобою, такъ по неволѣ будешъ увиваться, а кабы не это, такъ подумалъ ли бы

я взять тебя за себя. — Тутъ матушка вспыхнула отъ гнѣва; началась укора, упреки, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если бы не подоспѣла на ту пору бабушка, которая въ молодости была очень хороша собою, а въ старости скромна, умна и набожна, ее уважали въ домѣ, всѣ отъ мала до велика, и если бы не доложили батюшкѣ о прiѣздѣ Матвѣя Петровича Жирякова, откупщика питейнаго сбора въ нашемъ городѣ. — Вотъ прекрасно! вотъ кстати! говорилъ отецъ мой оправляя на скорую руку галстукъ, камзолъ и манжеты, и приглаживая лысую свою голову; проси его въ гости-

ную, сказалъ онъ слугѣ, и тотчасъ прикажи подавать кофій, ну право счастливъ нашъ новорожденной! вотъ истино сокровище Богъ даетъ намъ, Евфросинія Еремеевна! вотъ кто будетъ воспріемникомъ нашего Ванюши, и милліонеръ! и чиновной! да къ томужъ у него есть дѣлишко маленькое въ моихъ рукахъ, такъ по неволѣ покумится,—такъ проговорилъ отецъ мой, надѣвая свой гродетуровой стеганой шлафорокъ и выходя изъ спальни. Матушка улыбнулась, бабушка закричала дѣвокъ, и приказала имъ убрать приведенные размолвкою родителей моихъ мебели.

ГЛАВА II.

Крестный батюшка.

Позвольте Васъ, любезные Читатели, познакомить съ крестнымъ моимъ батюшкою Матвѣемъ Петровичемъ Жиряковымъ, онъ, право говорю по совѣсти, стоитъ имени честнаго и добраго человѣка, со всѣмъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ откупщиковъ, которыхъ вѣрныя копіи, видимъ мы иногда на сцѣнѣ театра; онъ нажилъ огромный капиталъ, но не запятнялъ

себя ни однимъ поступкомъ могущимъ упрекнуть его совѣсть. Деньги цѣнилъ онъ, какъ вещь самую полезную, важную и драгоцѣнную; но слеза, вздохъ обиженнаго или несчастливца, была для него дороже милліона, никогда или очень рѣдко (и то развѣ по необходимости приличія) вписывалъ онъ имя свое въ рядъ тѣхъ великихъ филантроповъ, которые подавая убогому копѣйку, желаютъ въ душѣ, чтобы дѣяніе ихъ было возвещено, если не пушечною пальбою, то по крайней мѣрѣ колокольнымъ звономъ; нѣтъ, онъ любилъ дѣлать добро — молча. Никогда убогій не получалъ отъ него

гроша съ упрекомъ, или съ такимъ нравоучительнымъ совѣтомъ, который часто больнѣе упрека; который иногда у другаго словоохотнаго и милостиваго дателя, бываетъ такъ длиненъ, какъ не могъ бы быть длиненъ и поданный имъ грошъ, еслибъ былъ вытянутъ въ машину тончайшей проволоки. Злополучіе ближняго такое имѣло дѣйствіе на сердце моего крестнаго батюшки, что онъ при видѣ онаго, забывалъ всякое мудрованіе. Матвей Петровичь зналъ, и высоко чтилъ Священное Писаніе, хотя и не такъ бѣгло читалъ оное, какъ учитель моего батюшки, дьячекъ Герасимъ; вотъ легкій

очеркъ его сердечныхъ свойствъ. Скажимъ нѣсколько словъ о наружности: вообразите себѣ стройнаго мужчину лѣтъ 50, со свѣтлыми взорами, съ открытымъ челомъ, на которомъ однакоже ясно видимы были отпечатки прямодушія и опытности; это придавало ему нѣсколько угрюмый видъ; рѣчь, поступки и корпусъ его, со всѣмъ не походили на утонченную увертливость, и гордую надутость, тѣхъ винныхъ откупщиковъ, о которыхъ расказываютъ намъ въ лѣтописяхъ прошедшихъ столѣтій; вотъ все, что могу вамъ сказать о моемъ крестномъ батюшкѣ, на первой разъ; а если

хотите съ нимъ познакомиться покороче, то читайте далѣе:

Батюшка мой съ первымъ шагомъ въ гостиную, бросился къ Матвею Петровичу на шею, цѣловалъ его въ плеча, прижималъ къ сердцу, и отъ радости едва могъ вымолвить: — Почтеннѣйшій и дорогой гость мой Матвей Петровичь, сколько лѣтъ, сколько зимъ, не имѣлъ я удовольствія васъ видѣть! ,,давно, давно, Пафнутій Парамоновичь, сказалъ Матвей Петровичь, тихо освобождаясь изъ объятій батюшки, и садясь на софу, но признаюсь сидѣть въ гостяхъ, я не охотникъ, къ томужъ судя

по себѣ полагаю, что тебѣ по должности твоей и нѣкогда было, а по дѣламъ пріѣзжать къ тебѣ, кажется не имѣлъ я надобности.— Помилуйте—Матвей Петровичъ, да я вамъ во всякое время радъ, такъ, что и высказать не могу; чтожъ касается до того, что мнѣ, какъ полагаете, было нѣкогда, то признаюсь у меня после 2-го часа по полудни всегда время;—какъ развѣ у васъ въ Палатѣ мало дѣлъ? — какъ мало? нѣтъ еще отъ прошлаго года 170 нерѣшеныхъ, да это совсѣмъ не наше Совѣтничье дѣло? — Какъ не ваше! да кто же рѣшаетъ дѣла? Рѣшаемъ-та мы, да разбирать-то ихъ есть дѣло

секретаря; онъ разберетъ, сдѣлаетъ выписку, подведетъ законы, а мы подписываемъ, и все тутъ; развѣ знаете, — иногда примешъ просителя на дому, да покалякаешъ съ нимъ,....—только все это не было бы мнѣ помѣхою принять такого дорогаго гостя, какъ вы Матвей Петровичь, — „благодарю за доброе расположеніе, — помилуйте! да это мнѣ законъ, какъ такаго благопріятеля не почитать; а я право все и самъ сбирался къ вамъ, поговорить съ вами о вашемъ дѣлѣ, вашъ искъ можетъ быть рѣшенъ въ вашу пользу—„не напоминайте мнѣ объ этомъ: бездѣльникъ мой повѣренной впуталъ меня

въ эту тяжбу, а какъ нынѣ я узналъ истину, что чувствую себя, виноватымъ, и на этихъ дняхъ ужъ слава Богу помирился съ ...... — какъ! какъ! отецъ мой—помирились! да вашъ повѣренной такой дѣлецъ, такія ясныя представилъ доводы....— совершенное бездѣльничество! мой повѣренной, за что-то вознегодовалъ на Г. Прямодушина, хотѣлъ его задавить, и меня сдѣлалъ орудіемъ своихъ замысловъ; нѣтъ сударь если я говорю вамъ виноватъ, то видно лучше знаю это дѣло, нежели вы.— Да помилуйте отецъ, вѣдь если такъ, то Прямодушинъ можетъ съ васъ много взыскать—сколько

ему угодно, и сколько опредѣлятъ законы готовъ заплатить.—Гмъ! ну а я право хотѣлъ услужить вамъ, оно правда я и самъ что-то замѣтилъ такое и объэтомъ хотѣлъ и поговорить, да вы меня предупредили; жаль, право жаль, что намъ не удалось услужить вамъ; а я право такъ было и думалъ, вотъ жена моя родитъ, а мы къ тому времени кончимъ дѣло ваше, и я лечу къ вамъ съ увѣдомленіемъ, и съ прозьбою: быть воспріемникомъ моего новорожденнаго, анъ Богъ-та не такъ опредѣлилъ, жена родила сына, а дѣло-то вы сами кончили, такъ теперь и совѣщусь.... Что такое, а развѣ безъ дѣла то

вашей полатѣ не льзя ужъ и исполнить долгъ Христіянской? Я признаюсь не слыхалъ о томъ что вамъ Богъ далъ сынка, но теперь душевно поздравляю и прошу позволить мнѣ видѣть родильницу и по Русскому обычаю.....—Съ великимъ моимъ удовольствіемъ, за честь почитаю; а кабы осчастливили быть и отцемъ крестнымъ, то-то обязали бы меня не сказанно?—Душевно радъ и готовъ, только послушай, будущій куманекъ! у васъ будетъ вѣрно крестинный пиръ, а я, ты знаешъ не люблю сидѣть часа по четыре за столомъ, да смотрѣть на искуство модныхъ поваровъ, а и того ме-

нѣе сидѣть за картами, то возпріемникомъ быть я буду, а отъ пиру меня уволь. Вотъ мой уговоръ. --Помилуйте отецъ мой, да что за пиръ въ нынѣшнее тяжелое время, мое состояньишка не такъ велико!—Негрѣши, Пафнутій Парамоновичь, не гнѣви Бога! вѣдь я знаю. . . И! отецъ мой! это только молва та народная говоритъ, а все по милости моей Евфросиніи; она все въ знать лезетъ, такъ и считаютъ меня богачемъ, а по истинѣ-то, такъ ужъ ее тѣшу, да тянусь; а теперь вотъ пошли дѣти, такъ еще больше заботы, гмъ! развѣ уже милость Божеская, крестной-то батюшка не

оставить моего Ванюшу?—Чѣмъ могу, очень радъ, только съ уговоромъ: на пиру твоемъ не буду, мнѣ, право нѣкогда, доведи же меня къ твоей супругѣ.

Съ восторгомъ вскочилъ батюшка съ креселъ, и пошелъ передъ Матвѣемъ Петровичемъ, створяя двери комнатъ, и наконецъ ввелъ въ спальню.

Матвей Петровичь подошелъ къ матушкѣ, поздравилъ ее, и сунулъ что-то подъ подушку, потомъ условясь о днѣ моихъ крестинъ, обѣщалъ въ назначенной часъ быть готову, и пріѣхать прямо въ церковь; кумою

избрана была одна Статская Совѣтница, Дама пожилая, богатая, уже десять лѣтъ, какъ схоронившая своего супруга; скончавшагося отъ подагры, часто навѣщавшая батюшку въ его кабинетѣ, и съ отмѣннымъ уваженіемъ принимавшая въ огромномъ своемъ домѣ, секретаря той полаты, гдѣ служилъ батюшка. У нее, какъ помнится, сказывала бабушка, было 4 тяжебныхъ нерѣшенныхъ еще въ то время дѣла, съ ея сосѣдями по деревнямъ. Дѣло было слажено; мой крестной батюшка, прощаясь, ласково взглянулъ на меня, лежащаго въ прекрасной колыбелкѣ, убранной, какъ расказывала бабушка, какого-то

модною Французскою драпировщицею; но для меня тогда, право, это было все равно. —

Лишь только Матвѣй Петровичь за дверь, какъ батюшка, который пристально наблюдалъ за поступками кума своего, тотчасъ бросился подъ подушку къ матушкѣ и вытащилъ оттуда положенное добрымъ моимъ крестнымъ батюшкою, — ай да добрый кумъ Матвѣй! вскричалъ съ радостію батюшка, вытащивъ изъ подъ подушки кошелекъ и привѣшивая его на рукѣ; вотъ милая сожительница, неправду ли я сказалъ, что Богъ

даетъ намъ кума, у котораго нашъ малютка будетъ ходить въ серебрѣ, да въ золотѣ? Вотъ право не человѣкъ, а Ангелъ; жаль только, что онъ имѣетъ свои странности, да помирился съ Прямодушинымъ, а то бы ужъ я отблагодарилъ его. Матушка весело взглянула на батюшку, поднялась съ постели, и оба вмѣстѣ начали считать червонцы и полуимперіалы, находившіеся въ кошелькѣ; ихъ было около 250 рублей. Изрядной подарокъ на зубокъ дитяти! — но вотъ новая бѣда: моя крестная матушка чуть было не разстроила всѣхъ замысловатыхъ плановъ батюшки. Надобно вамъ

сказать, любезные Читатели, эта дама полурусская, нѣкогда была недурна собою, воспитывалась на скорую руку въ какомъ то институтѣ, и потомъ жившая въ домахъ мамзелью,—гувернанткою или наставницею назвать ее было не льзя; ибо она, между насъ говоря, знала только изрядно говорить по Французски и по Польски, умѣла сама прекрасно одѣваться, кроить модныя платья, и—болѣе ничего; въ послѣдствіи участь ея измѣнилась: переходя изъ дома въ домъ, какъ иностранка—и слѣдственно, по мнѣнію многихъ нашихъ Провинціаловъ,—со всѣми достоинствами—она нажила ко-

нѣйку и попала въ наставницы къ одному важному чиновнику, имѣвшему двухъ дочерей и вдовому; съ начала была она въ домѣ гувернантка, хотя впрочемъ, какъ говорилъ въ послѣдствіи доброй кумъ Матвѣй, она по нравственности и по знаніямъ едвали бы могла быть и послѣднею горничною; однакожъ она зажилась у Г. Статскаго Совѣтника, сдѣлалась вскорѣ хозяйкою въ домѣ, овладѣла съ помощію самыхъ тонкихъ изворотовъ умомъ добраго родителя своихъ питомицъ, и содѣлалась его супругою. Онъ вскорѣ умеръ: одни говорили отъ подагры, а другіе отъ горести, что бѣдныя его дочери

выросли, занявъ однѣ дурныя склонности, испортивъ сердце, которое у нихъ съ начала было также добро, какъ у ихъ родителя, и въ добавокъ не выучась ничему, кромѣ обыкновеннаго болтанья на Французскомъ языкѣ. — И такъ, моя крестная матушка, Гжа. Статская Совѣтница сначала и слышать не хотѣла, чтобъ крестить съ такимъ кумомъ, каковъ былъ Матвѣй Петровичь, т. е., съ откупщикомъ и не принадлежащимъ къ которому нибудь изъ первыхъ четырехъ классовъ. Батюшка поступилъ въ семъ случаѣ, какъ не льзя лучше: онъ послалъ къ ней какую то вы-

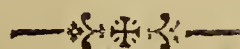
писку изъ ея дѣла по Палатѣ, и Гжа Статская Совѣтница прислала своего дворецкаго для объявленія своего милостиваго согласія и желанія, чтобъ весь крестинный пиръ былъ исправленъ на ея счетъ; разумѣется, батюшка не отказался, и благодарилъ. Пять дней протекли въ приготовленіяхъ къ пиру, ибо батюшка мой на сей разъ не жалѣлъ ничего: дворецкой моей крестной матушки разъ по десяти въ день пріѣзжалъ съ цѣлыми фурами, нагруженными наливками, винами, съѣстными припасами; батюшка и матушка истощались въ выдумкахъ, желая пиръ сдѣлать, какъ можно бли-

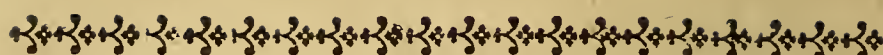
спашельнѣе, кладовыя и погреба наши наполнились разнаго рода припасами.

Насталъ день крестинъ; обрядъ совершился просто въ церкви. Кумъ по извѣстнымъ причинамъ не остался обѣдать, а кума простудила — по словамъ ея — руки отъ нѣсколькихъ капель воды, упавшихъ съ меня тогда, когда она меня принимала, и тотъ же часъ уѣхала домой. Батюшка и всѣ домашніе бѣгали, суетились, ждали многихъ; но собралось къ обѣду человѣкъ съ 15-ть, не болѣе, и то товарищи батюшкины съ ихъ и его подчиненными. Батюшка, какъ замѣтила

бабушка моя, кажется, зналъ, что дѣлалъ; ибо все лучшее изъ винъ, наливокъ, дорогихъ припасовъ приказалъ приготовить, но не подавать на столъ.—Матушка! сказалъ онъ ей, постороннихъ гостей нѣтъ, а передъ нашею братьею выказывать себя не годится и грѣхъ, можно легко возбудить зависть; — бабушка сказала: понимаю...и крестинной пиръ кончился въ 11-ть часовъ ночи такъ хорошо и весело, что многіе изъ гостей, не въ силахъ будучи добресть до передней, заснули: иные сидя на стулѣ, другіе безъ чиновъ на полу, и все сіе блестящее и самое удовлетворительное угощеніе стои-

ло батюшкѣ ведра полтора обыкновенной желудочной настойки, нѣсколькихъ бутылокъ и полубутылокъ съ домашнею неподслащенною наливкою, нѣсколькихъ штофовъ кизлярки и,—дѣлу конецъ. Всѣ были довольны, всѣ были ради, что я родился, хотя ни одинъ изъ нихъ не зналъ еще, надобно ли радоваться, или плакать о моемъ рожденіи.

ГЛАВА III.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Вотъ истина, которая подтверждается, едва ли не каждую секунду, и которая, если бы не выходила изъ нашего сердца, то мы могли бы избѣжать многихъ золъ. Точно, и батюшка мой жестоко ошибся, предполагая, что все пойдетъ такъ, какъ предположилъ дальновидный умъ его; но его предначертанія остались

только мечтами любимыхъ его мыслей.

Семь лѣтъ льстили надежды прекрасной будущности: я не росъ, но такъ сказать цвѣлъ, какъ полная роза, батюшка радовался, глядя на меня, что пріобрѣтенное имъ, какъ говорилъ онъ, трудами и потомъ имѣніе, достанется его сыну, а не будетъ раздѣлено между нищенствующими его дальними и ближними родственниками, достанется сынку, которой еще болѣе пріобрѣтетъ, и тѣмъ успокоитъ прахъ и кости своего родителя. Матушка радовалась, глядя на меня, и услаждалась

мыслею, что я нѣкогда, какъ любимецъ фортуны, буду служить въ какомъ нибудь гусарскомъ полку, буду ловкимъ кавалеромъ, буду щеголять лихими лошадьми, богатствомъ экипажей, убранствомъ дома, блистательнымъ кругомъ знакомства, и даже буду по крайней мѣрѣ Камеръ-Юнкеромъ при Дворѣ. Она одѣвала меня какъ куклу, что воскресенье, то новой костюмъ; то былъ ея милый Ванюша гусаромъ, то Грекомъ; то Швейцаромъ, то Шотландцемъ, словомъ: меня одѣвали во всѣ возможные костюмы, кромѣ Русскаго и Жидовскаго: къ нимъ моя *крестная* имѣла какую то антипа-

тію; и матушка изъ уваженія къ ней не одѣвала меня ни Русскимъ, ни Жидомъ. На счетъ послѣдняго костюма, и я почти согласенъ, но на счетъ перваго, право не понимаю, отъ чего Русской нашъ Отечественной кафтанъ долженъ былъ уступить преимущество другимъ костюмамъ. Съ 4-хъ лѣтняго моего возраста матушка моя по совѣту и стараніямъ крестной же моей маменьки, отдала меня на руки наятой мамзели, которая никогда не говорила со мною по-Русски, заставляла выучивать какіе-то стихи на Французскомъ языкѣ, и каждой праздникъ говорить ихъ батюшкѣ, которой

не въ осужденіе, зналъ этотъ языкъ, какъ я древній Египетскій. Терпѣливо выслушивалъ онъ мои вирши и спрашивалъ мамзель: что это такое?—Басня, Сонетъ, поздравленіе и тому подобное, былъ всегда отвѣтъ моей гувернантки, которая не рѣдко заставляла меня говорить батюшкѣ и матушкѣ то же, что я давнымъ давно ужъ говорилъ имъ, но или по незнанію, или по излишней любви ко мнѣ, или ужъ по довѣренности къ мамзели, они всегда говоренное мною почитали за новость и — ma chere amie — такъ приказывала мнѣ называть себя моя наставница, получала богатые

подарки, и тайно—какъ я уже послѣ узналъ — отвозила ихъ съ частію лучшихъ моихъ игрушекъ къ своей дочери, которая воспитывалась у какой-то повивальной бабушки. — Какъ бы то ни было, только я худо говорилъ по Русски, хорошо по Французски; а ни на одномъ изъ сихъ языковъ не умѣлъ еще ни писать, ни читать, ни даже наизусть какой нибудь молитвы. Добрый кумъ Матвѣй часто говаривалъ батюшкѣ: эй! Пафнутій Парамоновичь, ты меня твоимъ кумовствомъ только въ грѣхъ ввелъ, оба мы будемъ отвѣчать предъ Богомъ за Ванюшу, онъ растетъ у тебя, не какъ

Русской, а какъ безсмысленная кукла, — ты корпишъ надъ наливкой, да роешся только въ дѣлахъ, гдѣбъ опыскать какую нибудь зацѣпку, а твоя сударыня жена только украшаетъ свою спальню, да шьетъ каждой день модныя обновы, а на сына вы не посмотрите; ребенокъ ужъ 7 лѣтъ, а еще и указки не бралъ въ руки, эй! горе вамъ будетъ. Еще успѣетъ выучиться, батюшка, Матвѣй Петровичь, на что торопиться, вѣдь онъ не изъ мѣлкихъ дворянъ; — таковъ былъ всегда отвѣтъ моего родителя.

Въ одинъ годъ, о! этотъ годъ

я никогда не забуду!—мнѣ было тогда уже 8 лѣтъ и я, уже учась у мусье Трише, — доброй кумъ Матвѣй называлъ его просто бездѣльникомъ Тришкой,—бѣгло читалъ Французскія книги и умѣлъ уже складывать двусложные слова на языкѣ Русскомъ,—въ домѣ нашемъ послѣдовала перемѣна: къ батюшкѣ перестали ходить просители, секретарь его не пріѣзжалъ съ бумагами, да и батюшка сталъ ѣздить ужъ не въ свою Палату, а въ какую-то другую; и всякой разъ, когда пріѣзжалъ домой, то былъ очень скученъ; не разсказывалъ смѣшныхъ исторій объ истцахъ и челобитчикахъ, но

уходилъ прямо въ кабинетъ, запирался тамъ, и очень часто не выходилъ даже къ столу; а матушка, если и выходила, то всегда съ заплаканными глазами. — Я не по лѣтамъ былъ смысленъ и всегда понималъ, какъ обманывали батюшку и матушку мусье *Тришe* и мамзель *Пюти*, которая имѣла особенную способность изъ бѣлаго дѣлать черное, а изъ чернаго бѣлое; я понималъ ихъ хитрости, но никакъ не могъ понять, что сдѣлалось съ батюшкой и матушкой, а болѣе, къ чему батюшка говаривалъ матушкѣ и бабушкѣ: видите ли, что пословица: *до Бога высоко, а до Царя далеко*, совсѣмъ не справед-

лива, что теперь будешь дѣлать? проклятой ревизоръ! — Я спросилъ объ этомъ у одного изъ нашихъ слугъ, у стараго Ефрема; но тотъ не могъ разрѣшить моего недоумѣнія, а сказалъ только, что батюшка попалъ въ какую-то *Уголовную*; гдѣ, говорилъ онъ, Богъ устами Царей и силою мудрыхъ законовъ изрекаетъ судъ свой на неправду, — въ этомъ его толкованіи я не понялъ ни слова. Вскорѣ обратился я съ такимъ же вопросомъ къ бабушкѣ.— Милый внучекъ! сказала она, ты еще молодехонекъ, ничего не знаешь, молись Богу, чтобъ ты не былъ такъ несчастливъ, какъ твой

отецъ! — и тутъ я ничего не понялъ. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Прошло полгода, къ батюшкѣ никто не ѣздилъ изъ прежнихъ знакомыхъ, и крестная моя не присылала даже освѣдомиться и о моемъ здоровьѣ; но кумъ Матвѣй сталъ ходить къ намъ чаще.

Въ одинъ вечеръ, — надобно вамъ, любезные Читатели, сказать, что меня часто посылала матушка, а еще чаще мамзель къ дверямъ кабинета батюшкина подслушивать, что онъ говоритъ съ какимъ нибудь просителемъ, или примѣчать сквозь замочную

скважину, что принесли къ батюшкѣ: изъ моего, такъ сказать донесенія, онѣ замѣчали, веселъ ли батюшка, или нѣтъ, и такъ распологали свои поступки. — Сдѣлавъ привычку подслушивать и желая разгадать непонятную для меня загадку, которую ни бабушка, ни старикъ Ефремъ мнѣ не объяснили, я вошелъ во время чаю въ кабинетъ и спрятался за шкафъ. Тутъ-то сидя, я услышалъ слѣдующій разговоръ батюшки съ добрымъ кумомъ Матвѣемъ, когда они сѣли къ столу.

Кумъ Матвѣй.

Уныніе, любезный кумъ Пафнутій Парамоновичь, въ такомъ

случаѣ есть сугубый грѣхъ. Терпи, молись и вѣруй.

Батюшка.

Да какъ, отецъ мой, терпѣть тогда, когда на сихъ же, можетъ быть дняхъ все имѣніе и домъ опишется. Что тогда дѣлать?

К. Матвѣй.

Что угодно Богу! мой другъ, мнѣ жаль тебя; но научись изъ сего горькаго опыта, что неправда всегда наказывается и наказывается слишкомъ жестоко. Но по справедливости, скажи мнѣ откровенно, сколько опредѣлено взыскать съ тебя?

Батюшка.

За четырнадцать несправедливо мною рѣшенныхъ дѣлъ, около милліона.

К. Матвѣй.

(Съ горькимъ вздохомъ). Такъ много я не могу помочь тебѣ; но если ты будешъ нуждаться во время твоего суда или послѣ онаго, то мой домъ и мой кошелекъ для тебя открыты, и для твоего семейства также.

Батюшка.

Благодѣтель мой! чѣмъ возблагодарю тебя?

К. Матвей.

Я не требую благодарности,

а прошу тебя исполнить слѣдующее: ты много погрѣшилъ противъ твоей совѣсти, сидя предъ зерцаломъ, и сдѣлался преступникомъ противъ твоего Монарха, и противъ всякаго закона, и такъ пѣнять не на кого: надобно терпѣть; какъ судья, ты не соблюдалъ твоихъ обязанностей противъ твоихъ ближнихъ; соблюди же ихъ по крайней мѣрѣ противъ твоего сына, а моего крестника. Заслужи твое преступленіе, сдѣлавъ изъ него добраго гражданина и вѣрнаго слугу Царю и Отечеству. Отпусти эту иностранную челядь и попекись о его воспитаніи; чему научитъ ребенка иноземецъ,

питающій какого-то рода презрѣніе ко всему Русскому, можетъ ли онъ сдѣлать его истиннымъ гражданиномъ, напечатлѣетъ ли въ юномъ сердцѣ его ту любовь къ Отечеству, которая производитъ и героевъ брани и героевъ добродѣтели? — и такъ отпусти этаго мусье и эту мамзель, я найму для него учителей, и повѣрь мнѣ не ошибусь въ выборѣ.

Батюшка.

Да какъ отпустить ихъ? 1-е, я имъ не заплатилъ еще за прошедшій и нынѣшній годы; 2-е если ихъ отпустить, то они ославятъ меня по городу.

К. Матвѣй.

Это самолюбіе, сударь, самолюбіе! оставь его, пусть они говорятъ о тебѣ, что хотятъ, твоя участь уже рѣшена и отъ ихъ словъ не можетъ сдѣлаться ни лучше, ни хуже для тебя.

Батюшка.

Пусть будетъ воля Божья! буду дѣлать все, что прикажите. Прошу васъ, Матвѣй Петровичъ, вотъ посмотрѣть на эту выписку изъ разныхъ рѣшенныхъ мною дѣлъ; это оправданіе; съ малолѣтства служа въ приказномъ званіи, я довольно хорошо знаю ходъ дѣлъ и,

кажется, ясно написалъ мое оправданіе. Мнѣ одного хочется: чтобы по крайней мѣрѣ уменьшили взысканіе и не описывали мое имѣніе, а въ Уголовную, — ужъ туда и сюда.

К. Матвѣй.

Какъ? такъ честь для тебя менѣе, нежели имущество? Такъ ты не думаешь хоть нѣсколько очистить твою совѣсть, вознаградя убытки пострадавшихъ отъ твоего неправосудія? Эй кумъ! вспомни часъ смерти, вспомни, что долженъ будешь дать отчетъ Богу — Судьѣ неумолимому. Посмотримъ, что еще злой духъ внушилъ тебѣ? Чѣмъ ты

себя оправдываешъ, и въ чемъ обвиняешъ обиженныхъ и разоренныхъ тобою?

Тутъ принялись батюшка и кумъ читать какую-то тетрадь: часто прерывалось ихъ чтеніе то вздохами батюшки, то восклицаніями моего крестнаго, которой часто бросалъ тетрадь, хватался за трость и шапку; но убѣжденный просьбами, опять садился. Я не понималъ ни слова изъ читаннаго ими; но нѣкоторыя восклицанія моего крестнаго остались въ моей памяти: вотъ они: Боже мой! какъ изкаженъ смыслъ мудрыхъ законовъ! —явное крючкотворство! —бѣд-

ные проспшели!—адскій оборотъ дѣла!— и милосердый Богъ тернѣлъ эти козни! — Какой ужасной лаберинтъ сдѣлали вы изъ законовъ правды!

Около получаса сидѣлъ я за шкафомъ, соскучился, не понимая очень многаго, прокрался тихонько въ двери, и тотчасъ побѣжалъ къ мамзели увѣдомить ее о всемъ, что слышалъ; — мнѣ дали за это горсть конфектовъ и разцѣловали.—Ахъ! я не зналъ что дѣлаю весьма худо!

Но какъ рука Милосердаго Провидѣнія, по несказанному своему о насъ попеченію, каждое зло

обращаетъ въ добро; такъ случилось и на сей разъ. Родители мои, конечно бы не рѣшились еще такъ скоро отпустить мамзель Пюти и мусье Трише; но мои пересказы рѣшили все.

На другой же день наставникъ и наставница моя явились оба къ батюшкѣ, и со всевозможною наглостію требовали увольненія подъ самою благовидною причиною, именно: что я никуда не годной мальчишка, и что они не привыкли быть образователями такого баловня, какъ я. И такъ они правы! Батюшка удовлетворилъ ихъ жалованьемъ; но на сей разъ уже не подарилъ ничего. —

Съ ропотомъ неудовольствія и злословіемъ, цѣлые два дня перевозили они на семи лошадяхъ свое имущество, тогда когда къ намъ пришли они пѣшкомъ, а имущество ихъ укладывалось въ одной аршинной скрынкѣ.

Adieu Monsieur Triché, adieu ma chere amie! кричалъ я, бѣгая по двору и спуская огромной змѣй, которой сдѣлалъ мнѣ мусье Трише съ отмѣннымъ искусствомъ.

Возвратясь въ горницу, я не нашелъ ни одной изъ моихъ книгъ, кромѣ изорванной и запачканной Россійской Азбуки, спрашиваю: мнѣ говорятъ, что

мамзель вѣроятно по ошибкѣ положила ихъ въ свой сундукъ; ищу моихъ хорошихъ игрушечекъ—и ихъ нѣтъ; тутъ догадался я, что Mad.elle Puti вѣроятно прибрала ихъ по обыкновенію pour la petite soeur,—такъ называла она свою дочку, воспитывавшуюся у повивальной бабушки.

Въ одинъ день, спустя послѣ сего случая, недѣли черезъ двѣ, получили мы странное посѣщеніе. Предъ обѣдомъ пріѣхали къ намъ нѣсколько незнакомыхъ особъ съ полицейскими чиновниками, осматривали все въ домѣ, записывали, запечатали всѣ комнаты, кромѣ передней, дѣтской

и дѣвичьей, оставили, для какого то надзора, страшнаго усастаго солдата и поздо вечеромъ уѣхали.—Обѣда въ сей день не было, батюшка былъ очень скученъ и плакалъ, а матушка раза три падала въ обморокъ.

Послѣ сихъ весьма непріятныхъ гостей у насъ было новоселье; батюшка помѣстился со мною въ дѣтской, матушка въ дѣвичьей, а люди всѣ внизу въ кухнѣ. Добрый Кумъ Матвѣй первый пріѣхалъ къ намъ на слѣдующее утро очень рано. Долго говорилъ съ батюшкой у окошка очень тихо, и потомъ сказалъ матушкѣ, что найметъ для насъ

квартиру и чтобы мы не унывали. Тутъ добрый кумъ, подозвавъ меня, началъ ласкать и сказалъ мнѣ слѣдующія слова, не знаю, отъ чего, глубоко врѣзавшіяся въ мое сердце.— „Крестникъ, ты уже такъ великъ, что можешъ понимать вещи; помни, что кромѣ Бога нѣтъ ничего прочнаго; помни, что происходитъ съ твоими родителями и научайся быть справедливымъ. Теперь у васъ нѣтъ уже обыкновенныхъ мірскихъ надеждъ, но остается самая большая и важная: надежда на милость Божію и на трудъ. На сихъ дняхъ, возьму я тебя къ себѣ и отдамъ на руки хорошаго человѣка, учись, будь

ему послушенъ, я болѣе ничего не требую, прочее Богъ поможетъ намъ устроить.“ Тутъ опустилъ онъ руку въ карманъ, вынулъ бумажникъ, отсчиталъ большой пукъ ассигнацій, и вручая ихъ мнѣ, сказалъ: это отдай твоей бабушкѣ, она теперь у васъ будетъ дворецкой. Матушка заплакала, батюшка отвернулся къ окну, а бабушка по Русскому обычаю хотѣла было поклониться куму Матвѣю въ ноги, но онъ не допустилъ ее, и пожавъ у нее руку, сказалъ: вы далеко уже перешли за тотъ возрастъ, когда все имѣетъ для насъ какую-то прелесть, и слѣдственно лучше знаете, что при

хорошемъ хозяйствѣ и порядкѣ гривна замѣняетъ рубль. Вы по дѣлу Пафнутія Паромоновича, человѣкъ посторонній, и такъ на ваше имя наймется квартира и вы будете печься о всемъ домашнемъ. — Простите! Батюшка и матушка хотѣли было что-то говорить, а бабушка хотѣла насильно поцѣловать руку нашего благодѣтельнаго кума; но онъ исчезъ, какъ молнія; мы всѣ невольно бросились къ окну и видѣли его уже ровными шагами идущаго по улицѣ.—Вотъ кумъ, сказала матушка, какихъ право мало на свѣтѣ! — Бабушка подтвердила слова сіи обыкновенною своею

поговоркою: никто таковъ, какъ Богъ, и этакіе люди Его посланіе!

Люди наши всѣ, кромѣ стараго Ефрема и пожилой няни моей, были отобраны на слѣдующій день и отправлены въ деревню, которая назначена была уже въ продажу; ибо отобранныхъ въ нечаянное посѣщеніе полицейскихъ чиновниковъ отъ батюшки наличныхъ денегъ и билетовъ на различныя суммы было весьма недостаточно, какъ разсказывала мнѣ бабушка, на удовлетвореніе всѣхъ обиженныхъ просителей. И такъ наши офиціанты, повара, ливрейные матушкины лакеи,

кучера, форрейторы и вся, словомъ сказать, дворня въ одинъ часъ съѣхала со двора, и, — что мнѣ всего казалось страннѣе, то ни одинъ изъ нихъ не пришелъ и проститься съ нами. Положимъ, меня въ домѣ не любилъ никто, потому что я имѣлъ худую привычку пересказывать батюшкѣ и матушкѣ все, что слышалъ и видѣлъ, и даже нерѣдко иногда самъ, иногда по приказанію моей мамзели, говорилъ на людей и то, чего совсѣмъ не было. — Такъ всегда мстили мы бывало дворецкому, буфетчику, ключницѣ, садовнику и проч., когда они, на примѣръ, не спросясь батюшки, не давали,

чего намъ хотѣлось. Батюшка былъ строгъ и будучи всегда, какъ говорилъ онъ, обремененъ дѣлами по Палатѣ, не имѣлъ времени разбирать, правду ли говорилъ я, или нѣтъ, и выслушивать оправданія отъ Хамова поколѣнія, — такъ онъ называлъ всѣхъ слугъ; — но при первой жалобѣ больно наказывалъ ихъ плетьми на конюшнѣ. — И такъ не удивитесь, почто со мною не простился никто изъ людей нашихъ; но почему не пришли они проститься съ матушкою и батюшкою, это было для меня непонятно.

Sic transit gloria mundi.

ГЛАВА IV.

Большія перемѣны. — И я сирота.

Чрезъ недѣлю мы всѣ уже были въ новомъ нашемъ жилищѣ: на квартирѣ, нанятой за умѣренную цѣну въ отдаленной части города. Первое посѣщеніе сдѣлалъ намъ нашъ благодѣтель кумъ Матвѣй. Онъ осмотрѣлъ занимаемыя нами три комнаты и кухню, назначилъ, какая должна быть мебель, и далъ записку взять оную на его счетъ изъ лавки, долго говорилъ съ бабуш-

кой, приказалъ ей нанять кухарку и всѣмъ, какъ должно, распорядиться; потомъ болѣе часу бесѣдовалъ у насъ, стараясь всѣми силами разсѣять уныніе и печаль моихъ родителей. Тутъ опять случилось для меня непонятное: мой крестной очень рѣдко ѣздилъ къ намъ, когда мы жили въ большомъ нашемъ домѣ и не случилось еще никакого съ батюшкою несчастія; а если и пріѣзжалъ, то всегда былъ молчаливъ, сурьезенъ и даже гордъ. Онъ всегда говорилъ батюшкѣ грубо и безъ всякаго уваженія къ его Совѣтничьему званію; но теперь онъ такъ перемѣнился, что узнать нельзя; не проходило

ни дня, въ которой бы не пріѣхалъ къ намъ, не поговорилъ съ батюшкою отмѣнно ласково, не пошутилъ бы съ матушкою и бабушкою, не приласкалъ бы меня. Словомъ: сколько прежде я его ненавидѣлъ, столько теперь любить началъ.

Я вижу, любезные читатели, что вы удивляетесь и даже не вѣрите, чтобъ дитя, невинное твореніе, могъ знать, что такое ненависть. И въ самомъ дѣлѣ странно, но къ несчастію справедливо и завѣряю васъ: я умѣлъ и мстить и ненавидѣть. -- Вы хотите знать причину. Вотъ она! Моя machere amie, не знаю

по чему, иныхъ любила, а иныхъ нѣтъ. Къ симъ послѣднимъ особенно принадлежали кумъ Матвѣй и одинъ почтенный, умный и добрый священникъ. Каждый день она, разговаривая со мною, говорила мнѣ о ихъ, по ея мнѣнію, дурныхъ качествахъ, находила и выказывала предо мною ихъ пороки. Каждой разъ, когда они бывало пріѣзжали къ намъ, она уводила меня въ сторону, не позволяла подходить къ нимъ и смѣялась надъ каждымъ ихъ поступкомъ, надъ каждымъ ихъ словомъ. Скоро я и самъ привыкъ къ сему и предупреждалъ уже мою наставницу: мнѣ все казалось въ нихъ смѣшнымъ, глу-

пымъ. Таковъ былъ первый шагъ! Но когда я замѣтилъ съ помощію дальновидности мамзели, что эти люди не обращаютъ вниманія на наши насмѣшки и что батюшка ихъ уважаетъ одинаково; то я не сталъ любить ихъ и мнѣ всякой ихъ шагъ, всякое слово казалось зломъ, словомъ: я научился ненавидѣть. Сердце мое билось въ груди моей съ досады, что не въ силахъ былъ ни чѣмъ вредить ни куму Матвѣю, ни доброму и умному священнику Максиму. Также поступали мы и съ другими пріятелями моихъ родителей и даже съ родственниками, если только мам-

зель Пюти находила ихъ не на свою руку.

Позвольте, любезные читатели, сдѣлать въ разсказѣ моемъ маленькое отступленіе. Теперь, когда я въ силахъ мыслить и понимать вещи въ настоящемъ ихъ видѣ, я рѣшительно говорю по горькому надъ собою опыту, что горе тѣмъ родителямъ, которые не обращаютъ вниманія на малолѣтство дѣтей своихъ, а слѣпо поручаютъ ихъ руководству наемника. Сей, имѣя свои виды на все, легко передаетъ и чувства свои и правила бѣдному невинному творенію, отданному ему на руки. Трудно, весьма

трудно даже и примѣтить такой ходъ сердечнаго образованія; но родитель есть важное лице въ мірѣ нравственномъ и благодѣтельная природа снабдила его проницательностію. Употреби онъ особенное вниманіе на надзоръ за тѣми, которыхъ произвелъ онъ на свѣтъ, которыхъ обязанъ по законамъ Божескимъ и человѣческимъ образовать истинными Христіанами, сынами отечества, полезнымн гражданами, или если у него есть дочери, то добрыми матерями и нѣжными, сострадательными спутницами въ жизни ихъ супруговъ, и наконецъ за каждой шагъ которыхъ долженъ онъ бу-

детъ дать строгій отчетъ Всевышнему, Грозному и Нелицепріятному Судіи дѣлъ нашихъ; тогда увидитъ онъ, что выборъ наставниковъ и наставницъ есть важное дѣло, есть фундаментъ человѣческаго благополучія. Отвѣчаю, чѣмъ угодно и каждому, что если няня, наставникъ или наставница злы, честолюбивы, мстительны, скупы, скрытны, хитры; то и дѣти, отданныя имъ на руки, хоть на короткое время, но получатъ уже тѣже самыя склонности, тѣже пороки.

Не потребуете ли доказательствъ, примѣровъ? Посмотрите внимательнѣе, какъ мож-

но внимательнѣе на воспитывающагося дитятю, наблюдайте каждое его слово, наблюдайте каждой его поступокъ, каждой взглядъ его: и вы увидите, каковы его наставники, а далѣе, каковы и родители.

Съ самыхъ первыхъ дней нашего перемѣщенія ко мнѣ начали ходить учители Русской Словесности, Закона Божія и Ариѳметики. Сначала мнѣ не нравилось въ нихъ то, что они не такъ, какъ прежніе мои наставникъ и наставница, обходились со мною: они не шутили со мною, не распрашивали меня ни о чемъ, не разсказывали мнѣ

новостей, не издѣвались надъ незнаніемъ моихъ родителей; но были молчаливы, тихи и всегда говорили о батюшкѣ и матушкѣ, какъ о такихъ людяхъ, которые знали очень много и какъ бы болѣе даже, нежели они сами. Отъ меня требовали они прилежанія, послушанія, скромности и такого же мнѣнія о родителяхъ моихъ, какое имѣли они сами. Сначала трудно было и имъ меня переувѣрить и мнѣ привыкнуть къ ихъ образу мыслей. Мнѣ все казалось, что я слишкомъ много знаю по лѣтамъ моимъ, что я былъ умнѣе батюшки и уступалъ въ познаніяхъ только моему милому мусье *Трише* и

моей безцѣнной мамзели *Пюти*; наконецъ я началъ забывать о нихъ, привыкать къ новымъ учителямъ, къ ихъ образу мыслей, началъ привыкать къ труду и прилежанію и чрезъ полгода имѣлъ несказанное удовольствіе получить похвалу отъ добраго моего крестнаго батюшки. Онъ одарилъ при мнѣ моихъ учителей весьма щедро, поцѣловалъ меня и приказалъ продолжать ученіе. Я уже хорошо писалъ по Русски, читалъ, зналъ порядочно начальныя правила Грамматики и Ариѳметики. Теперь меня начали учить Исторіи: Священной, Отечественной и Всеобщей, Географіи и Рисованію. Сначала мнѣ казалось

весьма страннымъ, почему не обучаютъ меня по Французски; но потомъ, и самъ не знаю какъ, пришло мнѣ въ голову, что батюшка и матушка, мой крестной и учители конечно знаютъ лучше меня, что мнѣ нужно и что нѣтъ. Эта мысль меня совершенно успокоила. Я продолжалъ учиться и часто получалъ похвалы отъ крестнаго и отъ священника Максима, который преподавалъ мнѣ не изъ платы, но по любви къ батюшкѣ и по дружбѣ съ кумомъ Матвѣемъ, Законъ Божій.— Опять новость! — Меня теперь похвала этихъ людей и учителей моихъ гораздо болѣе радовала,

нежели бывало прежде подарки, конфекты и цѣлованіе моей мамзели. Прежде бывало, если мусье Трише сдѣлаетъ мнѣ новой змѣй, выучитъ дѣлать какой нибудь фокусь-покусъ, сказать Шараду, или покажетъ новую игру мячемъ; то я бѣгаю отъ радости дня два по огромнымъ нашимъ покоямъ, всякому сообщаю мое веселье, шумлю, и словомъ: отъ радости надоѣдаю всѣмъ. Теперь эти вещи стали мнѣ казаться глупостями, и одно слово похвалы болѣе меня радовало, и притомъ эта радость была гораздо пріятнѣе.

Дни, недѣли, мѣсяцы текли,

какъ быстрый ручей. Я началъ уже учиться и языкамъ; ибо, какъ говорилъ крестной, я уже имѣлъ довольно основательное начальное понятіе о своемъ Отечественномъ языкѣ, какъ въ одинъ день постигло насъ бѣдствіе, хотя и ожиданное, однакожъ слишкомъ чувствительное. Судъ надъ батюшкою за разныя злоупотребленія кончился. Приговоръ слишкомъ былъ жестокъ, хотя и справедливъ; но какой-то неизвѣстный благодѣтель помогъ намъ. По приговору надлежало батюшкѣ удовлетворить всѣхъ тѣхъ, которыхъ дѣла рѣшены были несправедливо. А какъ за описью и продажею всего имѣнія

не доставало еще тысячь 70; то батюшка долженъ былъ содержаться въ тюрьмѣ. Обиженные и требовали сего; но неизвѣстный внесъ недостающую сумму и приговоръ смягченъ. Батюшка лишенъ своего званія и оставленъ съ тѣмъ, чтобъ никогда впредь не быть опредѣлену. Неизвѣстный благотворитель, какъ узналъ я послѣ, былъ добрый кумъ Матвѣй. Батюшку сильно поразилъ приговоръ суда, физическія силы его ослабли, онъ сдѣлался болѣнъ жестоко. Добрый священникъ Максимъ не отходилъ отъ одра болящаго. Кумъ Матвѣй прислалъ Доктора, всѣ издержки взялъ на себя и каждой день навѣщалъ

нась; но всѣ старанія остались тщетны: чрезъ 7 недѣль батюшка скончался. По прежде утвердившимся во мнѣ впечатлѣніямъ, внушеннымъ мудрыми Трише и Пюти, я полагалъ смерть, чью бы то ни было, просто концемъ жизни, какъ концемъ класса моего, въ который бывало я не пріобрѣталъ въ пользу ума моего ни одной черты, а смерть батюшки вѣрнымъ средствомъ получить свободу и разбогатѣть. Теперь почтенные мои наставники дали мнѣ полное понятіе о семъ страшномъ часѣ, къ которому вся жизнь наша есть великій классъ приготовленія. Я плакалъ неутѣшно. Добрый кумъ Матвѣй;

казалось, боролся съ сильнымъ движеніемъ своего сердца и хотѣлъ скрыть слезы; но великая душа его не могла преодолѣть человѣчества; молча распоряжалъ онъ приготовленіемъ къ похоронамъ. Матушка была безъ памяти и сама сдѣлалась больна. Тѣло батюшки лежало уже на столѣ; тихо горѣли около онаго свѣчи;— дьяконъ читалъ псалтырь; въ домѣ царствовало молчаніе; около матушки сидѣлъ Докторъ и давалъ ей лѣкарство; въ углу залы сидѣли кумъ Матвѣй и священникъ Максимъ, тихо разговаривая по видимому о чемъ-то весьма важномъ. Я стоялъ у окна; въ душѣ моей была какая-

то ужасная пустота; слезы катились у меня градомъ.

—„Ванюша! сказалъ мнѣ крестной, вставъ съ своего мѣста и подойдя съ отцемъ Максимомъ къ тѣлу покойника, Ванюша, подойди сюда!“ Я подошелъ. Онъ взялъ меня за руку. — „У тебя доброе сердце; но оно было испорчено. Теперь, слава Богу, ты началъ исправляться и умъ твой быстро развертывается; умѣй дорожить временемъ: это неоцѣненное сокровище, которое не покупается и милліонами. Вотъ тѣло твоего отца добраго, но слабаго человѣка; обними его.“ Я палъ на колѣна. „Говорю тебѣ

послѣднюю волю твоего родителя, онъ намъ сообщилъ ее въ послѣднія минуты жизни: — смотри и научайся изъ сего, что богатство и почести есть ничто, что надежда на нихъ, надежда хромаго, думающаго опереться на соломинку, — понимаешь ли меня? — Живи, будь справедливъ, честенъ, не гордъ, и дѣлай какъ можно болѣе добра: тогда только будешь счастливъ и не будешь страшиться этаго грознаго часа. Не ищи богатствъ и почестей: онѣ сами найдутъ тебя, если ты будешь справедливъ и добръ. Но знай, что безъ помощи Божіей, безъ сильной вѣры и надежды на Его Премудрость и милосердіе,

ты самъ не можешь быть ни добръ, ни справедливъ. Знай, что всякое добро,сдѣланное нами,есть Божій даръ, есть Его неизреченное къ намъ милосердіе; а всякое зло есть наша собственность, влекущая насъ всегда въ пропасть и отстраняющая насъ отъ Бога.—Знай, что безъ Бога все *ничто*, а въ Немъ только все: и такъ молись Ему болѣе, проси Его только помощи, а ни на себя, ни на покровительство людей, ни на милліоны золота не надѣйся: ошибешся!—это случилось съ твоимъ родителемъ. Гдѣ теперь тѣ Графы и знатные бояре, которые бывало пріѣзжали къ вамъ съ визитами и занимали у отца

твоего деньги?— Тогда они ему кланялись, а теперь едвали захотятъ и слышать о его имени. — У тебя нѣтъ ничего; но не унывай: Богъ поможетъ; молись Ему. Здѣсь предъ тѣломъ твоего родителя обѣщаю быть для тебя тѣмъ, чѣмъ бы былъ я къ своимъ дѣтямъ, если бы имѣлъ ихъ. Простись съ остатками твоего родителя, пріими благословеніе отца Максима: онъ былъ духовникомъ вашимъ; одѣнься и поѣзжай ко мнѣ.“—Я рыдалъ и крестный мой плакалъ. Отецъ Максимъ положилъ мнѣ на голову руку, прочелъ съ сильнымъ чувствомъ молитву и благословилъ меня. Я поклонился въ ноги, по-

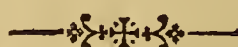
цѣловалъ холодную руку моего родителя и не помню, какъ отвезенъ былъ въ домъ моего благодѣтеля.

Обрядъ погребенія совершенъ былъ безъ меня: такъ угодно было моему крестному. Около недѣли каждый день ѣздилъ я два раза къ матушкѣ. Болѣзнь ея весьма усилилась; но стараніями добраго лѣкаря она въ двѣ недѣли оправилась. Классы мои начались снова. Я учился еще прилежнѣе.

ГЛАВА V.

Бѣда безъ грозы, или вредныя знакомства.

Пять лѣтъ протекли. Добрый мой крестный батюшка не перемѣнялся ко мнѣ и ни одного раза не сдѣлалъ мнѣ выговора. Я съ успѣхомъ пользовался уроками и такъ много успѣлъ, что многіе мнѣ завидовали. Матушка говорила гласно, что ея Ванюша замѣняетъ всѣ претерпѣнныя ею потери и заставляетъ забывать

по немногу постигнувшія ея несчастія. Все шло хорошо. Добрые кумъ Матвѣй и отецъ Максимъ были мною довольны. Первый нерѣдко дарилъ меня за прилежаніе, или хорошіе поступки деньгами: на покупку книгъ, на гостинцы матушкѣ, которую навѣщалъ я въ недѣлю два раза, и даже на лакомства. Изъ таковыхъ подарковъ составилась у меня изрядная по дѣтскому возрасту сумма. Добрый мой крестный батюшка сверхъ того водилъ меня, правда не по модному, но всегда чисто, и сукно моего фрака или сертука было всегда лучше, нежели у всѣхъ нашихъ щеголей, батюшкиныхъ сынковъ, которые

каждой праздникъ являются на гуляньяхъ, или на вечерахъ въ новомодныхъ костюмахъ, и которыхъ отецъ Максимъ называлъ просто живыми вывѣсками модной глупости, а мой крестный кормилицами портныхъ иноземныхъ торгашей.

Читатели! до сихъ поръ, можетъ, вы были мною довольны; но теперь приступаю къ такой эпохѣ, которая мало дѣлаетъ мнѣ чести, но которая по крайней мѣрѣ можетъ открыть юной неопытности первыя сѣти пороковъ. Бѣда, если попавшись въ нихъ, не употребишь силы разорвать оныя, бѣда, говорю я

по опыту: онѣ весьма походятъ на пути лабиринта: чѣмъ далѣе идешь, тѣмъ болѣе запутываешся въ извивахъ многообразныхъ дорожекъ, и тѣмъ труднѣе выдти изъ онаго. Таковы точно и сіи сѣти: чѣмъ долѣе остаешся въ нихъ, тѣмъ болѣе запутываешся и даже до того можешь опутать себя оными, что одна смерть разрѣшаетъ ихъ. Если Благое Провидѣніе не умилосердится и не вытащитъ тебя особеннымъ, независящимъ отъ насъ средствомъ изъ пропасти; то вѣчная гибель есть вѣрная участь попавшагося въ сѣти порока.

Я уже сказалъ вамъ, почтенные читатели, что каждую недѣлю два раза ходилъ я къ матушкѣ; она жила довольно далеко отъ дома моего благодѣтеля. На семъ пути была одна кондиперская лавочка, куда почти всегда заходилъ я для покупки гостинца моей матушкѣ. И въ пять посѣщеній въ такія мѣста можно сдѣлаться извѣстнымъ; а я продолжалъ ходить въ кондиперскую цѣлыя два года и пунктуально два раза въ недѣлю, иногда для покупки гостинца, иногда, чтобъ отдохнуть, иногда въ худую погоду, чтобъ нѣсколько обсушиться, иногда читать газеты, а наконецъ сталъ уже

заходить и безъ всякой надобности, а по привычкѣ. Нерѣдко при покупкѣ конфектовъ или плодовъ я мѣнялъ здѣсь золотыя монеты, которыми всегда дарилъ меня мой добрый крестный батюшка. Замѣтьте еще одну важную черту: я изъ тщеславія стыдился торговаться съ кондитеромъ, особенно когда находилъ тутъ постороннихъ. Разумѣется, мнѣ всегда оказывалъ хозяинъ уваженіе и раза два *осмѣливался имѣть честь*,—такъ выражался весьма расчетливый кондитеръ,—спросить меня: кто я, гдѣ живу и проч. и проч.? Мы рѣдко, особенно въ молодости, рѣшаемся признаться другому

въ нашей бѣдности, или въ чемъ нибудь такомъ, что можетъ уменьшить оказываемое намъ другими уваженіе. И такъ страшась, чтобъ кондитеръ и всѣ его посѣщавшіе, узнавъ, что я сынъ Совѣтника Кривосудова, извѣстнаго въ городѣ сначала своими несправедливыми поступками и богатствомъ, а потомъ злополучіемъ и бѣдностію, не почли меня бѣднякомъ, сиротою и тому подобное, я придумывалъ, чѣмъ бы загладить это, и вздумалъ, — на бѣду себѣ —, сказавъ свою фамилію, прибавить, что я уже по сиротству моему и по какимъ то еще мнѣ неизвѣстнымъ связямъ батюшки съ Матвѣемъ Пе-

тровичемъ Жиряковымъ усыновленъ симъ послѣднимъ. Читатели! видите ли первый, по видимому ничего незначущій, но по сущности весьма важный шагъ къ пороку: изъ пустаго самолюбія, но болѣе изъ тщеславія: я, 1-е солгалъ, 2-е, не отблагодарилъ моего благодѣтеля, но оклеветалъ его, и 3-е, самъ себѣ вырылъ яму, пропасть, изъ которой извлеченъ уже невидимою рукою Благаго Провидѣнія. Матвѣя Петровича знали всѣ по его честности, добрости и богатству: я назвался усыновленнымъ его, и слѣдственно его наслѣдникомъ.

Есть на свѣтѣ такія твари,—

изъ рода человѣческаго они суть изверги,—которыя, осудивъ себя быть служителями разврата, питаются на счетъ ближняго и самымъ низкимъ образомъ; они есть во всѣхъ сословіяхъ: голосъ ихъ подобенъ голосу сиренъ, взоръ ихъ подобенъ взору извѣстной змѣи, приводящей того, кто на нее взглянетъ, въ родъ безчувственности и такимъ образомъ поядающей свою несчастную и неосторожную жертву; ихъ поступки суть тѣ пагубныя сѣти, отъ которыхъ юность пылкая, но неопытная, едва ли ускользнуть можетъ. Къ несчастію, ихъ невозможно и отличить отъ честнаго человѣка; ибо

они, подобно хамелеону, являются во всѣхъ видахъ. Увидѣвъ у какого нибудь молодаго человѣка одну золотую монету, они уже поѣдаютъ его взорами и стараются узнать, не много ли у него сихъ источниковъ ихъ бытія и блаженства; а узнавъ, что есть довольно, они стараются извѣдать его склонности, свести съ нимъ знакомство, пріязнь, дружбу; если онъ простъ, то обобрать его явно, если онъ хитръ, то вовлечь въ игру, плѣнить его разсѣянностію, привлекательною разнообразностію разврата и ограбить. Этаго еще мало: если только увидятъ они сообразно гнуснымъ видамъ своего

ремесла, что молодой человѣкъ, попавшійся имъ въ сѣти, можетъ легко, хотя и непозволительнымъ образомъ, доставать деньги; то они постараются не только очистить его карманы, но развратить, сдѣлать его соучастникомъ, научать, что въ какомъ случаѣ дѣлать, и словомъ: изгладивъ на сердцѣ его всѣ черты добродѣтелей, содѣлать его такимъ же извергомъ, какъ они сами. Сія послѣдняя степень есть и послѣдняя нить ихъ сѣтей, которую разорвать, какъ выше сказано мною, можетъ одно Благое Провидѣніе, а человѣческимъ силамъ это невозможно. Этимъ благовиднымъ разбойникамъ извѣ-

стны всѣ пути, всѣ тропинки. Составляя свои общества, они дѣлаются всѣ единодушными членами онаго, имѣютъ общую сумму, на которую заманиваютъ неопытнаго, усыпляютъ, обираютъ и наконецъ по вѣрному расчету Правила Товарищества дѣлятъ прибытокъ между собою. Составя общество на такихъ правилахъ, они какъ члены, соединенные втайнѣ, явно показываютъ себя незнакомцами, являются вездѣ, ходятъ по слѣдамъ неопытнаго, какъ шпіоны, и неизчислимыми средствами завлекаютъ его въ свои сѣти. Если юноша богобоязливъ; то они или острыми шутками, или мнимыми

истинами какой-то своей превосходной Философіи постараются убѣдить его въ томъ, что это одни предразсудки, одни формы школярнаго ученія и что молодому воспитанному человѣку нейдетъ быть такого мнѣнія, какого были его предки лѣтъ за сто. Осмѣлься онъ спорить съ ними: и они засыплютъ его доводами, приправляя ихъ насмѣшками надъ всѣмъ тѣмъ, что для честнаго человѣка должно быть и есть священнѣйшаго. — Молодый человѣкъ не устоитъ противъ адскаго ихъ ухищренія. Такъ искореняютъ они изъ сердца жертвъ своихъ богобоязли-

вость; прочее послѣ сего для нихъ уже пустяки.

Въ любимой моей кондитерской свелъ я сперва шапочное знакомство съ молодымъ ловкимъ человѣкомъ, одѣтымъ всегда чисто и носившимъ серебряные очки подъ предлогомъ слабости зрѣнія отъ многаго упражненія въ ученіи. Сначала мы только читали вмѣстѣ газеты. Я дивился его обширнымъ познаніямъ: онъ такъ судилъ о всемъ здраво, что любо было слушать; разсказывалъ мнѣ о своемъ кругѣ знакомства съ журналистами, цѣнилъ ихъ листки, какъ знатокъ, иногда читалъ мнѣ цѣлыя тирады изъ нашихъ

и иностранныхъ поэтовъ, съ скромнымъ видомъ читывалъ и свои произведенія, спрашивая моего безпристрастнаго мнѣнія. Признаюсь, не будучи еще силенъ въ словесности, я не смѣлъ подавать моего голоса; но мнѣ уже чрезвычайно льстило то, что полагаютъ меня знающимъ поэзію. Сближаясь такимъ образомъ, мы уже непремѣнно видались съ нимъ два раза въ недѣлю. Иногда онъ провожалъ меня: или до жилища матушки, или до жилища моего благодѣтеля, совѣтуя, какъ другъ, не всегда разсказывать послѣднему о сихъ свиданіяхъ. „Это чудакъ, мой милой, говорилъ онъ; конечно ты долженъ почитать

его, какъ благодѣтеля, но и долженъ притомъ вести себя не рабски: ты не дитя и, можетъ быть, со временемъ откроешь, для чего этакіе люди благодѣтельствуютъ. Это ихъ тайна! разскажи имъ всѣ твои поступки: такъ они и въ самомъ невинномъ занятіи найдутъ пропасть дурнаго, и только потому, чтобъ ихъ воспитанникъ знакомствомъ съ порядочными людьми не научился узнавать ихъ тайны, не почувствовалъ бы собственныхъ своихъ достоинствъ и не сталъ бы вести себя сообразно правамъ своимъ.—Такъ вотъ для чего, mon cher, я, какъ истинно тебѣ преданный, совѣтую не говорить до

времени о нашемъ знакомствѣ. А между тѣмъ я попрошу Князя Сорванцова познакомить меня съ твоимъ чудакомъ Жиряковымъ, ввести меня къ нему въ домъ и тогда, тогда ничто не попрепятствуетъ мнѣ доказать тебѣ мою дружбу, ввести тебя во всѣ блестящія общества, сдѣлать сочленомъ нашихъ обществъ и наконецъ образовать по новѣйшимъ формамъ природные твои таланты.“

Я виноватъ, друзья! послушался злодѣя.

Благодѣтель мой ничего не зналъ о моихъ поступкахъ. Я про-

должалъ постоянно видѣться съ моимъ новымъ другомъ. Въ одинъ день я засталъ его въ кондитерской бесѣдующаго съ нѣсколькими изъ его, какъ говорилъ онъ, задушевныхъ пріятелей. Полагая, что онъ занятъ, на сей разъ я спѣшилъ идти къ матушкѣ; но онъ сказалъ мнѣ, что сегодня есть день его рожденія, и что онъ раздружится со мною, если я не останусь съ нимъ хоть на одинъ часъ: убѣдилъ меня, и я остался. Бесѣда была очень шумна, время летѣло: я не видалъ, какъ прошли два часа.—,,Тебѣ, mon cher, уже поздно сегодня идти къ матушкѣ; прошу тебя: не ходи, пожертвуй для дружбы

и для дня моего рожденія однимъ днемъ.“У меня затрепетало сердце, я рѣшительно отказался. „Но по крайней мѣрѣ выпей за здоровье рюмку шампанскаго, или ликеру. Стыдись, братецъ, вѣдь пьянство порокъ, въ этомъ учители наши правы; но пьянство и выпить за здоровье друга покалъ вина, одинъ, не болѣе, — это большая розница. Эти господа умники не умѣютъ растолковать этаго своимъ ученикамъ.“ Я снова отказался. — Это еще дѣва! сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — онъ еще не знаетъ, что вино веселитъ сердце, что рюмка вина, воспламеняя воображеніе наше, даетъ высшій полетъ генію. И

братецъ! прервалъ другой, господинъ Кривосудовъ хочетъ быть жрецомъ воздержанія! —„Стыдись, mon cher, шепнулъ мнѣ мой другъ: я краснѣю за тебя.“ Что дѣлать? Я согласился и выпилъ полрюмки шампанскаго. — Не зная еще вкуса ни въ какомъ изъ напитковъ, я нашелъ шампанское весьма пріятнымъ, вскорѣ почувствовалъ я какую то бодрость и веселость, я сдѣлался разговорчивѣе, всѣ апплодировали моему каждому слову, хвалили, превозносили меня: я забылъ и время, и матушку, и благодѣтеля. Пробило 9-ть часовъ; я испугался: ибо никогда такъ поздно не возвращался. Друзья мои замѣтили,

начали убѣждать, принудили выпить еще полрюмки на прощанье. Я снова успокоился. При разставаніи одинъ изъ новыхъ моихъ знакомыхъ пригласилъ меня назавтра къ себѣ на вечеръ и имянины. Другъ мой взялъ мою сторону и сказалъ, что я не могу иначе быть, какъ въ извѣстные дни недѣли, въ которые хожу къ матушкѣ, или по словамъ его, вырываюсь изъ тридевяти дверей и тридевяти замковъ на чистый воздухъ. Эта шутка уколола мое самолюбіе и глубоко врѣзалась въ мое сердце. Изъ уваженія къ моимъ обязанностямъ завтрашній имянинникъ отложилъ вечеринку до

слѣдующаго дня, въ который долженъ я буду идти къ матушкѣ.

Я возвратился домой. По счастію, моего крестнаго не было дома и мои первые проказы къ несчастію остались неизвѣстны.

ГЛАВА VI.

Первая рюмка коломъ, вторая соколомъ.

Насталъ назначенный день. Я рѣшился обмануть моего благодѣтеля. Съ утра жаловался на головную боль и вскорѣ послѣ обѣда попросился идти прогуляться по улицамъ и въ обыкновенное время зайти къ матушкѣ. Матвѣй Петровичь не подозрѣвалъ обмана: ибо никогда еще не замѣчалъ во мнѣ лжи, позволилъ и далъ еще червонецъ, позволилъ

притомъ сходить въ театръ или употребить его, какъ мнѣ захочется. Я поблагодарилъ и тотчасъ пошелъ въ кондитерскую; тамъ уже дожидался меня мой другъ. Я разсказалъ ему — и подивитесь, уже не краснѣя, — какъ обманулъ моего благодѣтеля.
—,,Брависсимо! сказалъ мой пріятель, такъ надобно всегда поступать съ этими старозавѣтными чудаками; ну, mon cher, ступай же ты теперь къ матушкѣ, и скорѣе возвращайся сюда: намъ съ тобою надобно будетъ еще заѣхать за однимъ моимъ знакомымъ. Ахъ! ты не можешь вообразить, какъ тамъ будетъ намъ весело; у него всегда сбирается

молодежъ лучшаго тона, бываетъ иногда и значительная игра. Я, признаюсь тебѣ, глупецъ страшной: вообрази, что я не умѣю играть ни въ какую игру, et tu dois savoir, que c'est une grande honte (*); но за то я всегда съ кѣмъ нибудь по поламъ; à propos ты вѣдь конечно еще не игралъ въ карты?—Нѣтъ! —О! я предвидѣлъ это: эти старые скопидомы не любятъ благородныхъ занятій нынѣшняго свѣта. Ты ихъ воспитанникъ; слѣдственно еще не знаешь тѣхъ пріятныхъ ощущеній, на примѣръ: когда рутируетъ какая

(*) А ты долженъ знать, что это большой стыдъ.

нибудь карта; какъ весело смотрѣть на бѣснующагося банкомета, когда онъ не можетъ оттасоваться отъ рутерка и со сморщившимся лицемъ пододвигаетъ тебѣ за *пароля пэ* чистыя денежки; но объ этомъ поговорю съ тобою послѣ. Ступай, mon cher, да упреди матушку, что ты, можетъ быть, очень запоздаешь, а, можетъ быть, и ночуешь. Adieu.

Я пошелъ и чрезь часъ возвратился въ кондитерскую. Матушка моя, не видавъ меня въ прошедшій день, хотѣла было сегодня идти меня навѣстить; но по счастію, я во время пришелъ, нашелъ отговорку, успокоилъ ее

и предупредилъ, что, можетъ быть, запоздаю въ театрѣ, куда уволилъ меня мой благодѣтель. Матушка повѣрила, поцѣловала и отпустила.

Пріятель мой завезъ меня по дорогѣ въ ресторацію. Это была для меня новость: какая услужливость! какъ скоро исполняется всякое ваше приказаніе! Здѣсь читали мы газеты и пили кофе. Пріятель мой, который, кажется, былъ уже знакомъ здѣсь, хотѣлъ платить; но я почелъ за лучшее самъ угостить его: вынулъ кошелекъ мой, въ которомъ было 10 червонныхъ, бросилъ одинъ на столъ и мнѣ тотчасъ прине-

сли сдачу. Отсюда заѣхали мы въ модный магазинъ. Тамъ удивлялся я разнообразію прекрасно уставленныхъ бездѣлушекъ и въ первой разъ почувствовалъ, что богачи должны быть очень счастливы: ибо могли покупать все это. Но мнѣ странно было, что у моего крестнаго, о богатствѣ котораго зналъ весь городъ, не видалъ я ничего подобнаго. Я сообщилъ о семъ моему пріятелю. „Это, mon cher, отвѣчалъ онъ, невѣжество: онъ не знаетъ, куда съ честію можно и должно тратить деньги. Это люди стараго вѣка и закоснѣли въ своихъ предразсудкахъ." — Отсюда мы прямо поѣхали къ имянинику на пре-

красной парѣ лошадей и щегольскихъ дрожкахъ. Только лишь къ воротамъ, какъ хозяинъ выскочилъ на крыльцо, разцѣловалъ насъ и ввелъ въ покои, гдѣ было человѣкъ шесть гостей. Я забылъ вамъ любезные читатели, сказать, кто таковъ хозяинъ? Это былъ по словамъ моего друга отставный Подпоручикъ, оставившій службу, какъ онъ говорилъ по неудовольствію съ Шефомъ и по 4-мъ дуэлямъ, которыя имѣлъ онъ съ разными лицами, защищая честь свою. Другъ мой превозносилъ до небесъ такіе поступки и говорилъ, что Г. Подпоручикъ Семеркинъ есть единственный человѣкъ. Я не понималъ, что мо-

жетъ быть хорошаго въ томъ, чтобъ стрѣлять или рѣзать своего ближняго, защищая честь свою; но прилѣпясь уже душею къ другу моему, я согласился, вѣрилъ и уважалъ Г. Семеркина. Подали чай, гости пили оный съ ромомъ; а другіе, находя ромъ поддѣльнымъ и вреднымъ, пили предъ каждою чашкою по рюмкѣ домашней чудесной настойки:— всѣ поразвеселились. Я выпилъ рюмку малаги, которая понравилась мнѣ лучше шампанскаго. Между тѣмъ гости все наѣзжали и насъ было человѣкъ 11-ть въ разныхъ костюмахъ, разныхъ сословій и разныхъ характеровъ. Каждый изъ гостей распрашивалъ

меня о бразѣ моей жизни и отношеніяхъ моихъ къ Жирякову, о которомъ относились они отмѣнно дурно. Сначала меня это огорчило, я началъ было спорить; но туча острыхъ ядовитыхъ шутокъ на счетъ мой и моего благодѣтеля заставили меня тотчасъ замолчать. Сначала общій разговоръ былъ о журналахъ, потомъ перешелъ къ Поэзіи, потомъ начали каждой поочередно разсказывать разные анекдоты, и всякой о себѣ. Я замѣтилъ при семъ одно, что всѣ ихъ анекдоты были на одну руку: всякой или прибилъ кого, или выгналъ, или обманулъ. Потомъ начались разсказы еще

смѣшнѣе о женщинахъ красавицахъ. Съ перваго раза я сгорѣлъ отъ стыда. Это замѣтили тотчасъ, стали смѣяться надо мною; это мнѣ не понравилось; я не хотѣлъ болѣе ѣздить въ такія сообщества, хотѣлъ сдѣлать выговоръ моему другу: но разумѣется, это отложилъ я до слѣдующаго свиданія, а между тѣмъ мало по малу привыкалъ слушать такіе разсказы и находить въ нихъ пріятное отъ того, что всѣ находили въ нихъ удовольствіе. — Вскорѣ подали два стола и карты, за нихъ усѣлись восемь человѣкъ гостей и начали играть въ бостонъ. Тутъ не нашелъ я ничего предосудительнаго: ибо

и мой крестный игралъ иногда въ бостонъ. Между тѣмъ другъ мой подвелъ меня къ маленькому шкафу, гдѣ показывалъ мнѣ библіотеку хозяина: 4 полки уставлены были книгами, изъ коихъ я не читалъ ни одной еще. Это были все романы соч. Г. Дюкре де Мениля, Гжи Рандкливъ и пр. На двухъ другихъ полкахъ лежала разная смѣсь: Иванъ Гостиной сынъ Фоблазъ съ картинами на Франц. языкѣ, Русскія сказки, Жилблазъ, Сонникъ, Полуизмятая Роза, Приключеніе Булавки и множество другихъ Французскихъ съ картинками, на которыя, признаюсь, сначала не хотѣлъ я и смотрѣть, потомъ

смотрѣлъ; но щеки мои горѣли, какъ огонь. Мой другъ смѣялся отъ души, разсказывалъ сюжеты картинокъ, читалъ тирады изъ сихъ превосходныхъ, какъ называлъ онъ, книгъ. Я многаго еще не понималъ, но догадывался и, признаюсь, желалъ прочесть кой-что. Услужливый другъ тотчасъ предложилъ мнѣ, что хочу. „Вся моя библіотека, кричалъ, прислушиваясь къ нашему разговору, Г. Семеркинъ, охриплымъ уже голосомъ отъ спора за карты и, кажется, отъ частаго заглядыванія въ стаканы съ пуншемъ, къ вашимъ услугамъ; я ее вымѣнялъ у мусье Шельме, извѣстнаго у насъ аматера и

знатока, по дружбѣ только, а то я никогда не читаю ничего, а люблю только имѣть, и иногда въ веселой часъ для воспламененія воображенія разсматривать картинки; а Русскія всѣ я вымѣнялъ у книгопродавца за цѣлый возъ какихъ-то учебныхъ книгъ покойнаго моего брата; а propos мосье Фортункинъ—такъ назывался другъ мой—,да покажи молодому твоему другу мой портфель съ граверами; онъ еще вѣдь красная дѣвица, такъ тамъ найдется много для него новаго; — мы, народъ ужъ опытный, обязаны наставить молодаго человѣка и посвятить, какъ должно, въ таинства Бахуса, Момуса и Ве-

неры. Всѣ захохотали и раздался дикой крикъ: браво, браво Семеркинъ! — Я смотрѣлъ съ жадностію на портфель, ибо любилъ рисованье; открываемъ.....

Не хочу, любезные читатели, огорчать слухъ вашъ, разсказывая, что изображало это собраніе картинъ; скажу только одно: вообразите себѣ все то, что можетъ изобрѣсть развратъ, доведенный до высочайшей степени: и это изобрѣтеніе даетъ вамъ нѣкоторое понятіе о портфелѣ Г. Семеркина.

Въ сумеркахъ, какъ вихрь, подкатились къ крыльцу двое дро-

жекъ. ,,Кіойвъ, Кіойвъ пріѣхалъ! раздалось въ горницѣ: и всѣ бросились встрѣчать гостей. Вообразите себѣ толстаго высокаго мущину съ лицемъ, на которомъ ясно начертано было буйство, съ налившимися кровью глазами и полупьянаго. Это былъ Г. Кійовъ, принадлежавшій къ сословію купцовъ; за нимъ вошли 3 человѣка его пріятелей.—Виватъ ребята! ждали ли гостей? Вотъ мы и пріѣхали: это, братцы! мои товарищи закодышные; одного то вы знаете; Г. Запиваловъ нашъ же братъ здѣшній, а другіе двое: вотъ этотъ пузанъ Нижегородскій, а этотъ еще ребенокъ изъ Томска; однакожъ, Господа! къ

нему съ почтеніемъ: у него полмилліона капитала. Такъ говорилъ Кійовъ, взойдя въ залу, и безстыднымъ образомъ прибавлялъ къ каждому періоду своей рекомендательной рѣчи такія поговорки, которыя иногда слыхалъ я, проходя по извощичьей биржѣ. Признаюсь, мнѣ не понравилось это; но Фортункинъ, другъ мой, убѣдилъ меня, что Кійовъ человѣкъ съ правилами, но имѣетъ, какъ богатый человѣкъ, свои странности и немного горячъ. Хозяинъ и гости наперерывъ рекомендовались Нижегородскому пузану и Томскому полумилліонеру. Кійовъ былъ, такъ сказать, переводчикомъ, сидя подлѣ сво-

ихъ товарищей: онъ рекомендовалъ каждаго по своему, на прим: Семеркина усатымъ головорѣзомъ, моего друга востроглазой змѣйкой, другаго залетной пташкой; и такъ каждой имѣлъ отъ него свое названіе. — Знаете ли, что съ нами случилось и отъ чего мы къ вамъ опоздали, говорилъ Кійовъ послѣ рекомендаціи: мы заѣхали въ погребокъ, тамъ осушили дюжины полторы винца; совсѣмъ хотѣли ужъ ѣхать, какъ вдругъ нелегкая принесла Осмухина. Вѣдь вы знаете, эта туша задорливъ: я пошутилъ надъ нимъ, а онъ придираться, да чуть чуть не прибилъ меня. — Васъ? вскричали нѣкоторые: нѣтъ! не

на того наскочитъ. А ужъ правда, господа, продолжалъ Кійовъ, я ужъ взялъ было и бутылку за горлышко, да хотѣлъ понашенски, да вотъ Томской гость еще боится нашей полиціи; а то бы я далъ ему знать, кто таковъ Кійовъ. Всѣ захохотали. Я, продолжалъ опять Кійовъ, какъ побѣдитель, пріѣхалъ сюда запивать съ друзьями побѣду и привезъ двѣ дюжины бургонскаго: ну попьемъ, ребята! вѣдь первая то только коломъ, а вторая соколомъ; ну за здоровье Осьмухина! И обѣ дюжины вина поставлены были на столъ; началась попойка. Я не хотѣлъ пить, но меня убѣдили; я выпилъ полную рюмку;

Запиваловъ наливалъ и подчивалъ; Кійовъ ходилъ по комнатѣ и, пробуя силу, давилъ каждаго: инаго рукой, инаго всѣмъ туловищемъ. Тутъ Фортункинъ рекомендовалъ и меня ему. Кійовъ много говорилъ обиднаго о моемъ благодѣтелѣ, но меня полюбилъ, какъ онъ говорилъ, всей душею и всѣмъ животомъ, подтащилъ къ столу и принудилъ выпить по поламъ съ нимъ стаканъ вина въ знакъ дружбы и любви; при чемъ, когда я сначала отговаривался, то облили меня виномъ.

До сихъ поръ толпились въ головѣ моей разныя мысли: я ду-

малъ о матушкѣ, о благодѣтелѣ, объ отцѣ Максимѣ; но послѣ сего проклятаго полустакана я все забылъ: мнѣ сдѣлалось весело и пріятно. Вскорѣ поставленъ былъ большой столъ. Семеркинъ по поламъ съ однимъ изъ своихъ гостей заложилъ банкъ. Всѣ, кромѣ меня и Фортункина, подсѣли къ столу и началась игра; деньги переходили изъ рукъ въ руки: червонцы, полуимперіалы, имперіалы, ассигнаціи и серебро, передвигались то къ банкомету, то къ понтерамъ; карты валялись подъ столомъ грудами. Я внимательно смотрѣлъ на игру и завидовалъ выигрывающему. Замѣтилъ ли это мой другъ, или

нѣтъ, только началъ убѣждать меня поставить карту, толковалъ мнѣ правила игры и наконецъ, когда я не согласился, то сказавъ мнѣ: *ну по поламъ! Atante*, и поставилъ карту червонецъ: выигралъ, продолжаетъ далѣе, выигрываетъ десять червонцевъ, пять отдаетъ мнѣ, а остальные кладетъ въ свой кошелекъ и отходитъ. „Такъ, mon cher, всегда надобно играть, говорилъ онъ: везетъ, такъ выигралъ, да и прочь; а не везетъ: такъ съ разстановкой по игрѣ, одна счастливая минута можетъ возвратить двухчасовой проигрышъ.“ Пробило 10 часовъ. Другъ мой самъ напомнилъ мнѣ, что время домой:

и я за это полюбилъ его еще болѣе; мы пробыли еще полчаса, и я видѣлъ, какъ Томской полумилліонеръ и Нижегородской пузанъ, опорожнивъ кошельки свои, принимались за бумажники. Я не дождался конца: мой другъ взялся меня проводить на своей парѣ.

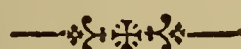
Прощаться съ хозяиномъ было въ то время не въ модѣ; и такъ мы уѣхали такъ; на пути заѣхали въ ресторацію, тамъ мой другъ назвался на угощеніе съ выигрыша. Я приказалъ подать ужинъ и бутылку малаги, которая мнѣ очень понравилась: и здѣсь разставшись съ Фортункинымъ, я пришелъ къ матушкѣ,

сказалъ ей, что былъ въ театрѣ; а какъ отъ меня пахло виномъ, то солгалъ, что у меня, какъ ей извѣстно, болѣла голова, и что я примачивалъ виски мадерою. Добрая матушка жалѣла обо мнѣ, завязала платкомъ мнѣ голову, которая и въ самомъ дѣлѣ начала уже болѣть у меня, давала гофманскихъ капель, уложила въ постель, послала стараго Ефрема къ Матвѣю Петровичу съ увѣдомленіемъ, что я былъ въ театрѣ и очень захворалъ.—На другой день благодѣтель мой прислалъ за мною дрожки. — Я весь день пролежалъ въ постелѣ частію отъ головной боли, частію отъ мыслей о прошедшемъ.

ГЛАВА VII.

Первое несчастіе. — Важная перемѣна въ жизни.

Мои свиданія въ кондитерской съ другомъ моимъ Фортункинымъ продолжались постоянно до зимы. Въ первое изъ нихъ разсказывалъ онъ мнѣ, что на имянинномъ пиру Семеркикъ выигралъ три тысячи, Кійовъ прибилъ Запивалова и все общество друзей разъѣхалось въ раннюю обѣдню. Я между тѣмъ бралъ у него разныя имъ рекомендованныя книги изъ библіотеки Семеркина,

читалъ ихъ, много узналъ для меня новаго: и сдѣлался гораздо смѣлѣе, что ходилъ уже я съ другомъ моимъ по такимъ же вечерамъ, а иногда проводилъ оные съ нимъ въ гербергахъ, гдѣ училъ онъ меня играть на биліардѣ. Я полюбилъ сію игру страстно, но картъ еще боялся, можетъ быть, потому, что не имѣлъ еще большихъ денегъ; ибо вся моя сумма не превышала 400 рублей. Почувствовавъ такую необходимость, я сдѣлался економомъ, не сталъ уже каждой разъ носить матушкѣ гостинцевъ, не сталъ покупать и книгъ. Выигранные 5 червонцевъ и еще своихъ 5 я отдалъ другу моему,

прося, чтобъ онъ, если случится ему играть, то имѣлъ бы меня въ долѣ. А самъ я игралъ на биліардѣ и, имѣя вѣрной глазъ, игралъ порядочно, а пить выучился по милости моего друга и его задушевныхъ пріятелей еще лучше; однакоже любилъ только напитки сладкіе. По первому зимнему пути благодѣтель мой имѣлъ надобность ѣхать на мѣсяцъ, или болѣе, въ Петербургъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда мой крестный поѣдетъ. Предъ отъѣздомъ онъ далъ мнѣ на расходы собственно мои сто рублей, просилъ, чтобъ я продолжалъ учиться, обѣщая въ Петербургѣ постараться меня

опредѣлить въ службу къ какому нибудь Министру, просилъ притомъ надсматривать за домомъ и навѣщать, какъ можно чаще, отца Максима и о всемъ совѣтоваться съ нимъ. Матушка моя получала отъ Матвѣя Петровича ежемѣсячно по 100 рублей на квартиру и содержаніе. Эти деньги за 2 мѣсяца онъ также отдалъ мнѣ и уѣхалъ.

. .

Нужно ли говорить вамъ, любезнѣйшіе читатели, что я былъ такъ радъ, какъ не можно быть болѣе: 1-й шагъ былъ въ кондитерскую, гдѣ оставилъ я записку моему другу о моемъ счастіи; 2-й къ матушкѣ, которой отдалъ

за мѣсяцъ деньги, а за другой оставилъ у себя, не знаю по чему, и въ сей же вечеръ былъ съ Фортункинымъ у Семеркина. Свобода, порядочная сумма денегъ и бутылка выпитой малаги дѣлали меня развязнымъ. Семеркинъ имѣлъ въ сей вечеръ гостей совсѣмъ уже другихъ: это были его, какъ говорилъ онъ, двѣ племянницы,—дѣвушки ловкія, красивыя, одѣтыя по послѣдней модѣ. Этотъ вечеръ былъ для меня еще пріятнѣе. Фортункинъ обѣщалъ меня познакомить и ввести въ домъ племянницъ Г. Семеркина, которыхъ развязности я не могъ надивиться. Онѣ сбирались въ маскерадъ. Семер-

кинъ и Фортункинъ назначены ими, какъ мнѣ разсказали, кавалерами для Испанской кадрили; слѣдственно я былъ лишній: почему и поѣхалъ въ любимой мною герберſъ, а изъ онаго домой уже въ 11-ть часовъ ночи. На другой день послѣ класса, окончившагося въ 12 часовъ и сдѣлавшагося мнѣ весьма уже непріятнымъ, я опять увидѣлся съ другомъ моимъ: мы наняли извощика и объѣздили двѣ или три ресторацiи, заѣхали въ герберſъ и здѣсь, въ первой разъ играя съ однимъ изъ пріятелей Фортункина, проигралъ я около 8 червонцевъ. — Не унывай, mon cher, говорилъ мнѣ другъ мой: сегодня ты не въ удачѣ; завтра

онъ тебѣ поплатится. Выигравшій изъ деликатности и безкорыстія угостилъ насъ ужиномъ и малагою, что стоило ему около двухъ червонцевъ. Мнѣ было досадно, что я проигралъ: я хотѣлъ непремѣнно отыграться и наказать, какъ выражаются игроки, дерзскаго, воспользовавшагося тѣмъ, что я былъ не въ удачѣ. Мнѣ изъ уваженія сдѣлали удовольствіе: и я проигралъ еще 6-ть червонцевъ. Въ страшной досадѣ на невѣрность руки, я возвратился домой и въ первой разъ легъ въ постель, не помолясь по обыкновенію Богу: я осмѣливался роптать и на Него. —Въ послѣдствіи я узналъ, что

мнимый другъ Фортункина былъ переодѣтый маркеръ и одинъ изъ лучшихъ игроковъ нашего города.

Казалось бы такій горькій опытъ долженъ былъ привесть меня въ себя: и въ самомъ дѣлѣ вставъ по утру, я хотѣлъ отнести матушкѣ деньги за другой мѣсяцъ, а свои отдать отцу Максиму, просить его, чтобъ не давалъ ихъ мнѣ, и притомъ признаться во всемъ; но я получилъ записку отъ друга моего, что онъ меня ожидаетъ: и планы мои рушились.

Такъ протекли три недѣли. Я каждой вечеръ проводилъ съ дру-

томъ моимъ: или у Семеркина, гдѣ учился играть въ бостонъ и проигрывалъ, но немного; или у племянницъ Г. Семеркина, гдѣ кошелекъ мой страдалъ гораздо болѣе. Изъ вѣжливости къ дамамь я, не смѣя отказать имъ, игралъ съ ними въ банкъ на конфекты и иногда проигрывалъ фунтовъ 10, принужденъ былъ ѣхать купить оные; однакоже чаще онѣ изъ особенной ко мнѣ ласки, а по истиннѣ изъ своихъ выгодъ, не заставляли меня трудиться, а благосклонно за проигранные конфекты брали деньги. Иногда проигрывалъ я имъ ложу въ театрѣ, иногда полдюжины малаги, изъ которой обыкновенно выпива-

ли не болѣе двухъ бутылокъ, а прочія оставались у нихъ. Меня любили, ласкали, хвалили: и такъ могъ ли я отказывать въ чемъ нибудь, имѣя притомъ мысль поддержать первую ложъ мою, что я наслѣдникъ Жирякова? Однажды въ другомъ домѣ у подругъ сихъ племянницъ, гдѣ оказывали мнѣ еще большее уваженіе и куда привезъ меня Фортункинъ, я охмѣлѣлъ отъ большаго покала мадеры, которой принужденъ былъ выпить за здоровье именинницы хозяйки, и заснулъ на софѣ. Проснувшись поутру, я не нашелъ у себя моихъ золотыхъ часовъ, подаренныхъ мнѣ отцемъ Максимомъ. Сдѣлалась

сумашоха, искали, досадовали, плакали, хотѣли было мнѣ заплатить за нихъ, по словамъ ихъ, послѣдніе свои 50 рублей; мнѣ было стыдно: я не взялъ ничего и уѣхалъ безъ часовъ. Это все еще ничего: я умѣлъ все это скрыть; но въ одинъ проклятой вечеръ — о! этотъ вечеръ я долго буду помнить, — пріятель мой завезъ меня въ гербергъ, гдѣ почти вся разбойничья шайка друзей Фортункина и Семеркина засѣдали за полными стаканами. „Сюда друзья! кричалъ намъ пьяной Кійовъ, едва только показались мы въ двери: мы провожаемъ нашего Томскаго милліонера. — Мы подсѣли и принялись

за стаканы. Потомъ началась игра на билліардѣ, бутылки мѣнялись дюжина за дюжиной: многіе изъ сотоварищей уже свалились со стульевъ. Я проигралъ рублей съ 70 ассигнаціями Томскому полумилліонеру. Меня смѣнилъ Кійовъ. Игра ихъ была азартнѣе моей: они играли по большому кушу. Томской гость платилъ, Кійовъ выигрывалъ, мы сидѣли и пили. Къ несчастію сдѣлалась изъ плутовства маркерова, который былъ подкупленъ нашимъ обществомъ, небольшая ссора: вскорѣ она увеличилась. Буйный Кійовъ, какъ разъяренный левъ, бросился на Томскаго гостя, за того вступился

Нижегородскій пузанъ и Запиваловъ, за Кійова вступились друзья его: сдѣлалась ужасная драка. Я хотѣлъ бѣжать, но не успѣлъ; явился полицейскій чиновникъ и забралъ всѣхъ насъ, тутъ бывшихъ, въ часть.

Кто изобразитъ горесть мою и стыдъ, когда меня, Томскаго гостя, Нижегородца и еще двухъ постороннихъ посадили въ такъ называемую сибирку, гдѣ отвратительный запахъ занималъ дыханіе! Кійова, Фортункина и другихъ ихъ сообщниковъ посадили въ другое мѣсто. На слѣдующее утро взятъ обыкновенный допросъ: Томскій гость по-

казалъ на меня, что я также соучастникъ Фортункина и другихъ, и что его обыграли мы и обобрали во время драки слишкомъ на 20 тысячь.—Боже мой! что предстояло мнѣ неопытному? Я стоялъ, какъ осужденный къ смерти. Но Фортункинъ, игравшій со мною роль барича и оказавшійся теперь только мѣщаниномъ, Кійовъ и другія ихъ собратія съ наглымъ безстыдствомъ оправдывались. Частный приставъ, человѣкъ благородный, принялся допрашивать прежде всѣхъ меня. Я признался откровенно во всемъ. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ и сказалъ: это тебѣ, молодый человѣкъ, урокъ. Благодѣтель твой вчера прiѣ-

халъ изъ Петербурга и конечно не знаетъ еще о твоихъ проказахъ; я увижусь съ нимъ и разскажу, а ты между тѣмъ погости у насъ. Громовый ударъ не такъ сильно поразилъ бы меня, какъ вѣсть о томъ, что пріѣхалъ добрый мой благодѣтель. Сташная картина представилась моему воображенію: я упалъ и не помню, какъ отнесенъ былъ въ другую комнату.—Опамятовавшись, я чувствовалъ сильный жаръ и трепетъ во всѣхъ жилахъ. Неумѣренное и раннее употребленіе горячихъ напитковъ, многія ночи, безъ сна проведенныя, истощеніе силъ и наконецъ такое сильное душевное

потрясеніе произвели сильную горячку. Къ вечеру того же дня пришелъ ко мнѣ отецъ Максимъ. Я трепеталъ, какъ листъ, не смѣлъ взглянуть на почтенное чело его; но голосъ его и слова меня нѣсколько успокоили. Скромно, тихо и съ сильнымъ чувствомъ сострананія взялъ онъ пылающую, какъ огонь, мою руку и сказалъ: Богъ да благословитъ тебя, злолучный юноша, и да проститъ тебѣ твое паденіе. Матвѣй Петровичь пріѣхалъ, узналъ о всемъ, охотно прощаетъ тебѣ твои проступки потому, что Десница Вышняго Промысла сама взялась за твое исправленіе, и что, руководя имъ въ пути, въ самое

нужное время привела сюда. Еще можно спасти твою честь и имя: ты несовершеннолѣтній, и кругъ несчастныхъ, заманившихъ тебя въ сѣти, далекъ отъ того пути, который предназначенъ тебѣ твоимъ крестнымъ. Успокойся. Онъ прислалъ меня сказать тебѣ, что онъ сегодня же возметъ тебя отсюда; но теперь еще не льзя по дѣлу, въ которое ты замѣшался: онъ поѣхалъ къ Губернатору. Я залился слезами, схватилъ руку добраго пастыря и только могъ выговорить: помолитесь за преступника! Я упалъ въ обморокъ, и съ того часа шесть дней былъ въ безпамятствѣ отъ сильной горячки.

Въ это время я взятъ былъ благодѣтелемъ изъ частнаго дома и имя мое исключено изъ постыднаго дѣла, въ которое невольно былъ я замѣшанъ.

Да будетъ сіе урокомъ неопытной юности!

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИВАНЪ,

БЕЗЗАБОТНАЯ ГОЛОВА,

И

КУМЪ МАТВѢЙ,

ИЛИ

БѢДОЙ УМА ПРИКУПИШЬ.

Нравственно-сатирическій Романъ.

Смѣяться, право, не грѣшно
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно!

Карамзинъ.

Часть Вторая.

МОСКВА.

Въ Типографіи Института Гг Лазаревыхъ.

1829.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Ноября 17 дня. 1829 года.

Ценсоръ Владимiръ Измайловъ.

ИВАНЪ,
БЕЗЗАБОТНАЯ ГОЛОВА,
ИЛИ
КУМЪ МАТВѢЙ.

ГЛАВА I.

За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ.

Вы вѣрно, почтенные читатели, полагаете, что я буду описывать вамъ мои чувства раскаянія, мой стыдъ, упреки добраго,

—О! очень предобраго крестнаго батюшки? Полагаете, что это займетъ васъ по крайней мѣрѣ на полчаса; но нѣтъ! вы ошибаетесь. Я не буду томить васъ длинными разсказами того, что извѣстно каждому. Мы всѣ грѣшные,—и конечно нѣтъ ни одного, кто бы въ жизни своей не падалъ и не чувствовалъ послѣ того раскаянія, стыда: вѣкъ пережить не поле перейтить! Объ одномъ только долженъ упомянуть: — мой крестный батюшка не только не упрекнулъ меня; но во все время болѣзни моей почти не отходилъ отъ меня, а при выздоровленіи моемъ усугубилъ свои милости. Вы, любезные читате-

ли, можетъ быть, скажете, что это боловство; но кумъ Матвѣй иначе думалъ, иначе располагалъ: онъ видѣлъ мое раскаяніе, зналъ мое сердце и новыми благодѣяніями хотѣлъ еще болѣе увеличить раскаяніе. По его приказанію отецъ Максимъ сказалъ мнѣ, что я не долженъ ни слова напоминать о прошедшемъ; долженъ забыть все и не на словахъ, а на дѣлѣ показать, что хочу загладить мой проступокъ и сдѣлаться достойнымъ милостей моего благодѣтеля. Потерянные часы мои были замѣнены другими еще лучшими. Въ опустѣвшій кошелекъ мой снова положены были червонцы: и все это дѣлано

такъ, что я не зналъ. Одна матушка, посѣщая меня каждый день, со слезами на глазахъ говорила мнѣ: Ванюша! ты худо сдѣлалъ, очень худо, и, по правдѣ сказать, не стоишь тѣхъ милостей, которыми осыпаетъ тебя Матвѣй Петровичь. Умѣй заслужить это впредъ, а я и бабушка будемъ молить Бога, чтобъ онъ помогъ тебѣ. Я плакалъ, цѣловалъ руку маменьки и обѣщалъ никогда не ходить въ кондитерскую.

Въ три недѣли я совершенно оправился отъ болѣзни и первой мой шагъ былъ въ кабинетъ моего благодѣтеля. Я палъ къ

ногамъ его и не могъ сказать ни слова: и онъ плакалъ. Прошло нѣсколько минутъ въ самомъ трогательномъ молчаніи. Юноша, — сказалъ наконецъ Матвѣй Петровичь, ты былъ бы очень несчастливъ, если бы Благое Провидѣніе не исторгло тебя изъ пропасти: благодари Бога: все отъ Него, а не отъ людей! Люди суть только орудіе: и благо тому, кто удостоится быть избранъ въ орудіе благости! Благодари Бога,—и не забывай того, что съ тобою случилось. Урокъ твой былъ очень назидателенъ. Тутъ онъ поцѣловалъ меня. Ванюша! ты долженъ служить Государю и Отечеству:

безъ сего твои права дворянства ничего не значатъ и, по моему, походятъ на богатое платье, которое сшито, но не надѣвается, а лежитъ въ сундукѣ. Не подражай тѣмъ молодымъ людямъ, которые почитаютъ, что имъ уже и того довольно, что ихъ дѣды и родители заслужили, что дипломъ и патенты ихъ отца или дѣда, поставленные въ вызолоченныя рамки и украшающіе стѣны ихъ модныхъ кабинетовъ, достаточны на то, чтобъ доставить имъ уваженія: они ошибаются, никогда не заслужатъ они уваженія людей благомыслящихъ: они походятъ на гусей извѣстнаго нашего Ба-

енословца. — Не подражай имъ. Не подражай и тѣмъ, которые выбираютъ родъ службы покойнѣе, любятъ служить при дядинькахъ, да при тетушкахъ, т. е., послужить, лежа на печкѣ, схватить чинокъ, много два, да и въ отставку; а въ отставкѣ либо зайцевъ травить, либо съ зари утренней до зари вечерней сидѣть за бостономъ, или банкомъ, либо съ утра до вечера рыскать по магазинамъ, зѣвать на иностранныя бездѣлицы, да платить за нихъ иногда годовой оброкъ родительскаго имѣнія, нажитаго и скопленнаго трудомъ и заботами. Праздность, мода и тщеславіе изобрѣтательны, и не льзя из-

числить всего того, что составляетъ занятіе многихъ батюшкиныхъ и матушкиныхъ сынковъ, которые въ службѣ были, а добра только и сдѣлали, что отрастили славные усы. -- У тебя нѣтъ ничего,—ты это знаешь: и слѣдовательно, думаю, не оставишь рано службы. Зная, что ты хорошо учился и что образъ твоихъ мыслей хорошъ, я не предполагаю, чтобы ты захотѣлъ служить канцелярскимъ служителемъ: наживать непозволительнымъ образомъ копейку и, какъ водится, закутавшись въ модной плащь, думать о себѣ, какъ о красавцѣ, какъ о человѣкѣ дѣловомъ, а въ самомъ-то дѣлѣ

быть одушевленною куклою, не болѣе. Нѣтъ! ты дворянинъ и долженъ идти путемъ чести, а не подражать ни таковымъ, каковъ извѣстной тебѣ Фанфиронинъ, ни таковымъ, каковъ Г. Пролазовъ, котораго служба быть помощникомъ Секретаря, а достоинство модной фракъ, дворянская медаль, да широкой плащь. И такъ, скажи мнѣ, какой родъ службы тебѣ нравится? — Я поцѣловалъ руку моего благодѣтеля и твердо сказалъ, что моя воля есть въ точности исполнять только то, что угодно ему и что онъ почтетъ за благо. — Если такъ, Ванюша! то иди съ Богомъ въ военную: тамъ на-

учишся ты труду, нуждѣ и узнаешь великое искусство:—смотрѣть смерти въ глаза прямо! Служба военная есть школа молодымъ людямъ, гдѣ учителями опытъ и честь, а экзаменторомъ та угрюмая старушка, которую изображаютъ съ косою и которая весьма страшна для молодыхъ героевъ кузнецкаго моста, бульваровъ и всѣхъ гуляньевъ и баловъ. Съ Богомъ! Я, признаюсь, такъ и думалъ, что ты согласишся съ моимъ мнѣніемъ, и приготовилъ уже для тебя мѣсто: ты знаешъ Полковника Прямикова; онъ мнѣ старинной пріятель, а что веего важнѣе, то добрый и честный офицеръ, пла-

менно любящій Отечество и Монарха; у него въ полку долженъ будешь ты служить. — Служа вѣрно и честно, помни всегда и послѣдній часъ жизни твоего родителя и случившееся съ тобою несчастіе.— Я поцѣловалъ руку моего благодѣтеля: и вышелъ отъ него съ новыми и сильнѣйшими чувствами признательности.

Полкъ, въ который я опредѣлялся, стоялъ на зимнихъ квартирахъ верстъ за 60 въ одномъ изъ уѣздовъ нашей Губерніи. Въ 10-ть дней попеченіемъ добраго кума Матвѣя былъ я совершенно снаряженъ, бѣлье уложено

было въ чемоданъ, другой чемоданъ наполненъ былъ книгами классическими и разными учебными инструментами. Старый Ефремъ, охотно пожелавшій ѣхать со мною и остаться при мнѣ, съ веселымъ видомъ похаживалъ на дворѣ около повозки, укладывалъ свое и мое походное имущество. Матушка суетилась, бѣгая то къ повозкѣ, то въ мою комнату, и тихонько укладывала въ коробокъ сдобные хлѣбы и лакомства. Въ два часа послѣ обѣда все было готово къ моему отправленію. Матушка благословила меня Образомъ, отецъ Максимъ отслужилъ молебенъ, крестный мой надѣлъ мнѣ на шею

крестъ, далъ зеленой бумажникъ съ 200 рублями, Ефрему подарилъ 50 рублей, поцѣловалъ меня и сказалъ сквозь слезъ: „Ванюша! служи Государю вѣрно, и безъ молитвы ничего не начинай дѣлать. Помни и вѣрь, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадаетъ.“ Я упалъ къ ногамъ его: слезы градомъ катились изъ глазъ моихъ; я не могъ сказать ни слова. — „Съ Богомъ, съ Богомъ! сказалъ наконецъ Матвѣй Петровичь. Перестаньте плакать, Ефросинія Еремѣевна! это грѣхъ и стыдно; Ванюша ѣдетъ служить: такъ надобно радоваться, а не плакать.“

Такъ говорилъ разсудокъ, а сердце матушки, да и самаго Матвѣя Петровича, кажется, чувствовало другое.

Мы сѣли съ Ефремомъ въ повозку и поѣхали. Матушка благословила насъ, перекрестивъ насъ въ слѣдъ. Проѣзжая городомъ, мы ѣхали мимо кондитерской, гдѣ въ первой разъ узналъ я порокъ: съ стѣсненнымъ сердцемъ взглянулъ я на дверь, и отворотился.

За заставою мы остановились и снова простились съ провожавшими насъ: матушкою, кумомъ Матвѣемъ и отцемъ Максимомъ.— Старый Ефремъ по обыкновенію

своего времени положилъ три земныхъ поклона, перекрестясь на блестящіе кресты Храмовъ нашего города.—И мы пустились по ровной и гладкой дорогѣ. — Сердце мое сильно билось, я обертывался назадъ, видѣлъ, какъ кланялись и махали платками матушка и благодѣтели мои; наконецъ они скрылись отъ глазъ нашихъ: я закутался въ одѣяло и легъ въ повозку.

ГЛАВА II.

Новая жизнь.

Это была первая моя поѣздка: и такъ неудивительно, что все, мимо чего мы ни ѣхали, все казалось мнѣ новымъ и пріятнымъ. На другой день предъ обѣдомъ пріѣхали мы въ С., мѣсто расположенія полка, въ который давно была уже послана моя просьба объ опредѣленіи. — Вообразите мое удивленіе и радость, когда, взъѣхавъ на постоялой дворъ, встрѣченъ я былъ моимъ крест-

нымъ? Вы конечно, любезные читатели, удивляетесь сему; но это случилось весьма обыкновеннымъ образомъ, и совсѣмъ не такъ, какъ являются дядюшки, братцы и проч. въ романахъ, мною и вами, думаю, читанныхъ. Два часа спустя послѣ моего отъѣзда, добрый кумъ Матвѣй приказалъ заложить тройку своихъ Вятскихъ лошадей, сѣлъ въ сани и, не сказавъ никому ни слова, поѣхалъ въ С., гдѣ также была дистанція его откупа. А что я не видалъ его дорогою, тому причиною было то, что я на ночлегѣ утомленный дорогою крѣпко спалъ. Матвѣй Петровичь, не приказывая меня будить,

и выѣхалъ съ ночлега гораздо ранѣе, нежели я будущій служивый.

Крестный мой сдѣлалъ это по обыкновенію его прекрасно: ибо совершенно избавилъ меня отъ хлопотъ рекомендоваться и прочаго, что затрудняетъ каждаго юношу: — я снова узналъ цѣну его заботливой о мнѣ попечительности.

Не распространяюсь въ описаніи того, какъ явился я къ Полковнику Прямикову, какъ былъ имъ принятъ и обласканъ, какъ на третій же день щеголялъ уже я въ мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами и золотыми на воротникѣ голуна-

ми, числясь въ Шевской ротѣ; но скажу, что Полковникъ былъ другъ моего крестнаго; а чтобы быть другомъ куму Матвѣю, то надобно подлинно имѣть достоинства честнаго человѣка. Полковникъ мой не принадлежалъ къ числу тѣхъ Командировъ, которые умѣютъ командовать, а не управлять. Нѣтъ! Онъ былъ человѣкъ, не только знающій службу, но имѣвшій обширныя свѣденія въ наукахъ; строгій, но человѣколюбивый. Грудь его увѣшена была орденами и каждый орденъ былъ цѣною пролитой имъ крови на полѣ брани. Капитанъ мой былъ человѣкъ молодый, богатый и хорошо воспитанный;

и онъ знаніе фрунтовой службы почиталъ не первымъ пунктомъ военнаго искусства, но только дополнительнымъ. Будучи строгъ по службѣ, онъ внѣ оной былъ другомъ и товарищемъ всякому, не разбирая ни породы, ни богатства; и такъ онъ не походилъ н атѣхъ,—извините меня, любезны читатели! — на тѣхъ людей, которые, нерѣдко убѣдясь мнимыми достоинствами своего происхожденія, каждаго, котораго имя строчкою стоитъ ниже его имени въ родословныхъ книгахъ, или спискахъ, почитаетъ за существо особаго рода, далеко отстоящаго отъ его благоутробія: да! Капитанъ мой не походилъ

и на тѣхъ, которые, случайно сдѣлавшись обладателями нѣсколькихъ тысячь монетъ, почитаютъ себя за нѣчто очень важное на свѣтѣ и всякаго бѣднаго, у котораго нѣтъ кошелька съ монетами, или синяго фрака съ тисненными пуговицами, или моднаго похороннаго плаща, почитаютъ за такое твореніе, котораго самое дыханіе заразительно.

О вы! — извини, почтенный читатель, что дѣлаю небольшое отступленіе: я видѣлъ многое и, въ сію минуту увлекаясь чувствами истины, не могу, чтобъ не излить ихъ; о вы! которыхъ

цѣль жизни есть, по словамъ скулптера Алексѣя, Государственная Россійская монета рубль, которыхъ достоинство: модной жилетъ, или богатая шинель съ кистями и огромное зеркало; вы, которые смотрите на людей въ свой модной лорнетъ и цѣните каждаго по добротѣ сукна его фрака, или по гербу его пуговицъ, вы, которые впрочемъ на бѣломъ свѣтѣ семъ ни болѣе, ни менѣе, какъ канцелярскіе служители, случайно пріобыкшіе пить одни Французскіе вины, а за угломъ, не въ судъ вашей милости, кушаете и простое, пріобыкли закутываться въ плащь, говорить чиновному, изгибаясь змѣею, а

бѣдняку пробормотать два слова сквозь зубы и то отворотясь,— вамъ, я вамъ, покорнѣйшій слуга Иванъ Беззаботная голова, совѣтую вступить въ военную службу: она откроетъ вамъ глаза и вы, увидя истину, если не умрете отъ страха, то повѣрьте, сдѣлаетесь лучшими. Прекрасныя журнальныя статьи нравовъ и сатирическіе романы нашего просвѣщеннаго вѣка васъ не могутъ исправить: потому что вы,—извините государи мои! потому что вы походите совершенно на пробошныхъ мужичковъ съ свинцовымъ поддономъ, васъ, сколько въ носъ ни щелкай, вы все въ позитуру становитесь;

вы читаете статьи журналовъ, читаете нравственно-сатирическій романъ, а не перестаете уподобляться той лягушкѣ, которая, увидя быка, захотѣла съ нимъ сравняться, дулась, дулась и лопнула: ей! господа, и вы лопнете. Тогда память ваша погибнетъ безъ шума, вамъ модной плащь купится съ аукціона, или просто на площади, окрасится въ черной цвѣтъ и безъ перекройки пригоденъ будетъ тѣмъ мастеровымъ, у которыхъ случалось мнѣ видать на вывѣскахъ: *здѣсь продаются, дѣлаются на заказъ и отдаются на прокатъ гробы и погребальные костюмы.* Другое дѣло, если бы вы вздумали

посвятить себя на службу статскую и приняли бы цѣлію подражать людямъ достойнымъ, ненавидящимъ лицепріятія и непозволительные поборы, пекущимся вникнуть въ существо законовъ и дѣлающимся посредниками между обиженнаго и обидѣвшаго; но извините меня: это дѣло трудно и не вашего ума и не вашего сердца!

Описаніе характеровъ моихъ военныхъ начальниковъ могло бы увлечь меня далеко и книжку сію сдѣлать довольно толстою; отъ чего Г. книгопродавцы конечно нажили бы у каждаго экземпляра по рублю лишняго: ибо

по щастію ихъ есть еще такіе покупатели на бѣломъ свѣтѣ, которые не развертываютъ покупаемую ими книгу, а прежде привѣсятъ ее на рукѣ, потомъ заглянутъ на послѣднюю страницу и посмотрятъ на номеръ оной; если книга тяжела и номеръ состоитъ изъ трехъ, или четырехъ цифръ и тогда: начинаютъ торговаться и, какъ водится, даютъ книгопродавцу за гривну рубль и болѣе. — Не хочу доставлять лишняго рубля *книжникамъ*, и не смѣю, описывая характеры тѣхъ, у коихъ подъ командою имѣлъ я честь служить, нарушать любимой ихъ добродѣтели: скромности, — скажу одно,

что всѣ они были люди добрые, честные и съ превосходнымъ образомъ мыслей, любили Государя, Отечество и правду, не любили отличать богатаго батюшкина сынка отъ бѣднаго дворянина, или солдатскаго сына, но отличали только истинныя достоинства.

Скоро узналъ я службу, хаживалъ въ караулы, исправлялъ разныя должности, если не хорошо, то по крайней мѣрѣ стараясь, чтобъ было хорошо. У меня было и свободное время, его проводилъ я всегда у моего Капитана, или у кого нибудь изъ офицеровъ, которые совсѣмъ не походили

на чиновниковъ, многихъ и многихъ, полагающихъ, что съ чиномъ они перерождаются и получаютъ новое бытіе, дуются, топорщатся и задираютъ головы какъ сорока въ павлиныхъ перьяхъ. Въ обществѣ Капитана и офицеровъ я имѣлъ случай повторять многое изъ наукъ, особенно относящихся до Исторіи, Географіи и Математики. Крестный батюшка каждыя двѣ недѣли пріѣзжалъ въ нашу Штабъ-квартиру и, какъ я послѣ узналъ, наблюдалъ каждый мой шагъ. — Онъ былъ доволенъ мною, и чрезъ два мѣсяца привезъ ко мнѣ матушку. О! какъ сладостно свиданіе съ матерью послѣ и крат-

ковременной разлуки! Матушка не могла нарадоваться, видя меня въ мундирѣ. Она говорила, что я сдѣлался гораздо здоровѣе: и правда! прежде ходя закутанный въ теплую шинель, я всегда мерзъ отъ стужи: малѣйшій сквозный вѣтръ производилъ въ ушахъ моихъ стрѣльбу; отъ едва промокшихъ ногъ моихъ дѣлалась у меня лихорадка. Теперь ни одна изъ сихъ болѣзней не посѣщала меня, не смотря на то, что я часто по цѣлымъ часамъ былъ въ сильный морозъ и вѣтръ на открытомъ воздухѣ и въ одномъ мундирѣ, не смотря на то, что часто приходилъ домой съ мокрыми ногами и даже стоя въ

караулѣ, не разуваясь проводилъ ночи.— Здѣсь не встрѣчалъ я ни Фортункиныхъ, ни Фанфарониныхъ, ни Пролазовыхъ, ни ужасныхъ Кійовыхъ, можетъ быть потому, что не имѣлъ времени бродить ни по ресторацiямъ, ни по кондитерскимъ, ни по гербергамъ, гдѣ такая челядь имѣетъ всегдашнее свое пребыванiе. Я былъ веселъ и покоенъ; святки проведены были отмѣнно весело, наши офицеры проводили ихъ или у нашего добраго Полковника, или другихъ баталiонныхъ Командировъ, имѣвшихъ семейства, или у кого нибудь изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, или чиновниковъ. Тонъ сихъ собранiй былъ всегда

благороденъ безъ пышности; полковыя дамы также имѣютъ свой особенный образъ обхожденія. Отъ чего наши собранія,—я говорю наши, потому что имѣлъ честь быть принятъ въ сіи общества, не смотря на унтеръ-офицерской чинъ мой, — имѣли особенную какую-то пріятную непринужденность и совсѣмъ не походили на столичные пышные балы, гдѣ каждый шагъ долженъ быть вымѣрянъ циркулемъ приличія и маас-штабомъ моды, гдѣ дама является не для препровожденія времени, и чтобъ блеснуть пышностью, затмить другихъ отличіемъ своего платья, уборовъ и драгоцѣнныхъ бездѣлу-

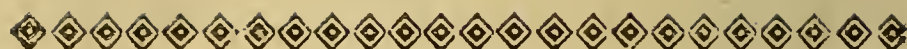
шекъ измучиться въ котильонѣ или мазуркѣ, полусонной съ блѣдными щеками возвратиться домой на разсвѣтѣ и слѣдующій красный Божій день пролежать въ постелѣ, а къ вечеру опять ѣхать платить дань модѣ и глупому тщеславію. Нѣтъ! Наши собранія не походили на таковые балы, а были истинно дружескою бесѣдою, гдѣ скука не имѣла мѣста, а принужденность сидѣла одна и грызла себѣ ногти отъ досады, что не имѣла поклонниковъ. Наступилъ новый годъ, святки пришли и благотворные лучи солнца уже начали сгонять снѣгъ съ кровель, какъ вдругъ наши надежды: провесть лѣто еще ве-

селѣе въ лагеряхъ, быть на маневрахъ, заслужить милость и награды нашего Добраго Монарха, рушились, или лучше сказать, превратились въ другія. Съ наступленіемъ весны открылись военныя дѣйствія: и полкъ нашъ получилъ повелѣніе въ 24 часа выступить по данному маршруту за границу. Быстрѣе молніи разнесся слухъ о сей новости по городу: все пришло въ движеніе, все суетилось, спѣшило; со всѣхъ сторонъ на улицахъ нашего маленькаго городка толпились солдаты въ полной походной аммуниціи; обозы запрягались и вытягивались на большую дорогу; на улицахъ предъ квартирами

Капитановъ стояли ружья въ козлахъ; барабанщики били сборъ; уныло ходили многіе добродушные обыватели, свыкшіеся съ своими постояльцами; во многихъ окнахъ видны были сидящія красавицы съ бѣлыми у глазъ платками: у многихъ изъ нихъ вѣсть о походѣ истребила совсѣмъ, или отдалила на неизвѣстное время ихъ лестныя надежды. Моихъ собственныхъ чувствъ я не могу выразить: это была радость и печаль вмѣстѣ,—радость, что открывается путь, на которомъ могу, или лучше сказать, имѣю случай отличить себя и въ точности оправдать званіе дворянина, радость, что увижу

новыя страны, о коихъ я читалъ и которыя желалъ видѣть собственными глазами. Воображеніе мое летало и силилось образовать что нибудь цѣлое, но тщетно. У меня не было ни одной постоянной мысли о будущемъ. Печаль была, кажется, сильнѣе: ибо сердце мое ужасно билось, когда представляло себѣ, что, можетъ быть, на вѣкъ разстанусь съ матушкою и добрымъ моимъ крестнымъ, что останусь на вѣкъ сиротою на бѣломъ свѣтѣ.

ГЛАВА III.

Вамъ товарищи біуакъ и брани.

Вамъ, товарищи біуакъ и брани! посвящаю главу сію. Сибаритъ, матушкинъ сынокъ прочтетъ ее безъ вниманія: онъ многаго не пойметъ въ ней; но я пишу ее не для нихъ, а для васъ, мои сотоварищи и друзья! слуху вашему давно знакомы клики ура! и наши веселыя пѣсни. Девять лѣтъ минуло, какъ уже оставилъ я

военную службу; но девять лѣтъ не могли истребить изъ памяти моей того, что я видѣлъ, слышалъ и ощущалъ въ продолженіи моей службы. Не измѣняя долгу моему къ моему Царю и Отечеству, я, какъ человѣкъ, падалъ снова въ разставляемыя мнѣ сѣти и былъ несчастливъ. Но сіи злополучія послужили мнѣ въ послѣдствіи урокомъ: и я, узнавъ истину, полюбилъ нашу Отечественную пословицу: бѣдой ума прикупишь!

Истинно такъ! но приступимъ къ разсказу. Вы конечно, любезные читатели, читали и перечитывали письма Русскаго

Офицера Броневскаго и симъ подобныя книги; слѣдовательно вамъ уже извѣстны и жизнь солдата въ полѣ, и біуаки, и дымный огонекъ, около котораго въ темную и ненастную осеннюю ночь усталые воины или спятъ на своихъ ранцахъ, или слушаютъ разсказы словоохотливаго своего товарища, или ужинаютъ, обмокивая сухарь въ манерку съ водою. Все это бывало и со мною.

За часъ до нашего выступленія изъ городка С., прискакалъ къ намъ Матвѣй Петровичь на своей прекрасной тройкѣ Вятскихъ лошадей. Узнавъ о данномъ повелѣніи къ походу, онъ

пріѣхалъ проводить меня. Первымъ дѣломъ его было снабдить меня всѣмъ нужнымъ къ дальному походу, вторымъ переговорить съ Полковникомъ Прямиковымъ конечно обо мнѣ и наконецъ послѣднимъ дѣломъ дать мнѣ отъ имени матушки благословеніе и проводить меня.

Добрый мой крестный батюшка былъ человѣкъ, какъ извѣстно уже, съ особенными правилами и потому не дѣлалъ, такъ какъ другіе словоохотливые и краснорѣчивые благодѣтели, т. е., не дѣлалъ мнѣ длиннаго и предлиннаго наставленія о ожидающей меня будущности, но под-

ведя къ Образу Спасителя, которымъ благословила меня матушка, сказалъ: „Ванюша! молись Ему съ усердіемъ, проси одной Его помощи и твердо уповай на Его всемогущую благость; на людей не надѣйся, а на себя еще болѣе; будь честенъ; жизнь береги, но не такъ какъ скупой свое сокровище, а какъ талантъ, дарованный тебѣ Богомъ на пользу Отечеству и на славу Твоего Создателя; не закапывай его въ землю; не щади твоей жизни въ пылу сраженія: тамъ потерять ее значитъ сдѣлать изъ нее лучшее употребленіе, значитъ заплатить Государю и отечеству за все, что ты отъ нихъ имѣешь.

Будешь убитъ: вѣчная память! О матушкѣ твоей не заботься: она уже обезпечена и на такой случай, если Богу угодно будетъ прекратить жизнь мою. Именемъ ея благословляю тебя, ступай и помни всегда, что ты Русскій, что ты дворянинъ; старайся оправдать мои надежды!" Вотъ все, что сказалъ мнѣ Матвѣй Петровичь, прощаясь со мною и поцѣловавъ меня.

О! да наградитъ тебя Милосердый Богъ, великодушный мой благодѣтель!

Полкъ собрался. Я назначенъ былъ на весь походъ въ знамен-

ные ряды; слѣдовательно всегда долженъ былъ быть при полковой штабъ-квартирѣ. Это имѣетъ свои выгоды и этимъ обязанъ я, кажется, также моему крестному.

Предъ самымъ походомъ отслуженъ молебенъ полковымъ священникомъ, всѣ роты окроплены Святою водою, скомандовали по отдѣленіямъ на право и ударили фельдмаршъ.

Верстъ за пять провожали полкъ нашъ толпы добродушныхъ нашихъ хозяевъ и разстались со слезами. Такъ случается всегда, когда полкъ поспоитъ

нѣсколько времени на квартирахъ у добраго командира и солдаты всегда добры!

Полтора мѣсяца продолжался нашъ походъ; и мы вступили въ линію нашего авангарда. Не хочу вамъ описывать ни переходовъ нашихъ съ мѣста на мѣсто по предначертаніямъ Главнокомандующаго, ни небольшихъ стычекъ съ непріятелемъ, на коихъ оставались мы всегда побѣдителями, ни веселой жизни военной, которой отличительная черта есть беззаботливость: это все извѣстно и имѣетъ свою обворожительную прелесть. На прим. скажемъ о бездѣлкѣ: можно ли, зарывшись въ

мягкіе пуховики, уснуть такъ покойно, какъ на пучкѣ свѣжей соломы послѣ большаго и труднаго марша? Конечно нѣтъ! Будутъ ли когда многоразличные соусы и паштеты. Французскихъ модныхъ ресторатеровъ такъ вкусны, какъ простая солдатская кашица, или такъ называемая сухарьница, приправленныя саломъ, тогда, когда въ теченіи полутора или двухъ сутокъ томишся или въ переходѣ по болотамъ, горамъ и лѣсамъ, или въ пылу жаркаго сраженія, когда тебѣ совсѣмъ нѣтъ времени и вспомнить о пищѣ? Истинно нѣтъ! Я видѣлъ, какъ многіе изъ моихъ сотоварищей, сынки на-

шихъ богатыхъ провинціальныхъ дворянъ, воспитанные въ нѣгѣ на рукахъ нянюшекъ и мамушекъ, не въ силахъ будучи перенести трудовъ военныхъ, въ самой цвѣтущей юности дѣлались жертвою болѣзни, томились въ лазаретахъ и гошпиталяхъ и умирали смертію безславною. Они невинны; но вы, родители! вы дадите за нихъ отвѣтъ и Богу и Отечеству, дадите строгій отвѣтъ: почему не сдѣлали вашего сынка полезнымъ членомъ Государства, за чѣмъ сдѣлались причиною ранней его смерти? Силы физическія имѣютъ большое вліяніе на крѣпость силъ душевныхъ; а крѣпость душев-

ныхъ силъ есть такой спутникъ нашей жизни, который всегда и готовъ и въ силахъ поддержать насъ при паденіи.

Многіе неопытные говорятъ: въ службѣ много горя, много нужды. Они правы, но только потому, что смотрятъ на военную службу въ увеличительное стекло своей слабости. Напротивъ жизнь военнаго человѣка и славна и весела: нужда скоро смѣняется тамъ избыткомъ, а горе весельемъ. А въ заключеніе скажу, что служба военная есть великая школа опыта и необходима для молодаго человѣка, особенно богатаго: тамъ преимуществен-

но научится онъ знать цѣну тѣхъ даровъ, которыми наградила ихъ причудливая фортуна.

И я былъ въ пылу сраженія,— сраженія знаменитаго въ нашихъ лѣтописяхъ. Оно было первое, въ которомъ видѣлъ я близко смерть со всѣми ея ужасами. Въ послѣдствіи былъ еще въ 7 большихъ битвахъ и нѣсколькихъ небольшихъ перестрѣлкахъ; но тамъ я былъ уже, какъ знакомецъ и всѣ они не сдѣлали на меня такого впечатлѣнія, какъ сіе первое. Какой урокъ! Но я тогда не умѣлъ имъ пользоваться и теперь, когда уже показываются на головѣ моей сѣдые волосы, я воспоминаю о немъ съ благоговѣніемъ.

Утро было прекрасно и тихо; величественно выкатывалось солнце изъ за синихъ горъ, составлявшихъ отдаленную черту горизонта занимаемой нами позиціи. Покойно стояли солдаты наши въ густыхъ колоннахъ, опершись на ружья; Главнокомандующій нашъ, герой и любимый начальникъ, окруженный Генералами и свитою своею, тихо объѣзжалъ колонны, привѣтствовалъ воиновъ и убѣждалъ драться, какъ должно Русскимъ. Войска отвѣтствовали громкимъ крикомъ ура! и весело смотрѣли на отдаленный пригорокъ, за которымъ уже поднимался клубами дымъ и по временамъ слышны были выстрѣ-

лы изъ пушекъ: авангардъ уже вступилъ въ дѣло и ретируясь наводилъ силы непріятельскія на нашу позицію. Многіе офицеры, собравшись кучками, разсматривали топографическую карту театра войны, другіе по обыкновенію, общему всѣмъ военнымъ, передавали товарищамъ, взаимно другъ другу, заготовленныя письма къ своимъ домашнимъ, милымъ и друзьямъ, прося переслать оныя въ случаѣ ихъ смерти. Такимъ образомъ заживо дѣлались завѣщанія, которыя исполняются оставшимися въ живыхъ съ точностію. И я имѣлъ отъ друга и товарища моего М. и письмо къ его роднымъ и сло-

весное завѣщаніе снять съ него, въ случаѣ его смерти, Образъ и отослать къ старушкѣ его матери. Такъ многіе изъ офицеровъ въ толь важной часъ жизни повѣряютъ своимъ товарищамъ локоны волосъ, портреты миніатюрные, колечки и проч. своихъ милыхъ и просятъ возвратить ихъ, когда откроется удобный случай. — Съ часъ спустія послѣ того, какъ Главнокомандующій объѣхалъ ряды колоннъ нашихъ, непріятель началъ выходить изъ за пригорка густыми колоннами; но былъ еще внѣ нашихъ выстрѣловъ. Изъ авангарда часто приносили убитыхъ офицеровъ и предавали

ихъ землѣ за нашею линіею безъ пышныхъ обрядовъ. Священникъ совершалъ одну литію надъ нѣсколькими, вырывалась неглубокая яма: и тѣла чиновниковъ клались въ оную безъ разбора съ тѣлами простыхъ воиновъ. Но симъ не умаляются достоинства положившихъ животъ свой на брани. Тамъ же за колоннами происходили перевязки приносимыхъ изъ авангарда раненыхъ. Лѣкаря съ ихъ фельшерами стояли, ожидая дѣла, и тотчасъ подавали помощь раненному. Я видѣлъ ужасныя раны, но не видалъ лицъ, обезображенныхъ скорбію. Спокойно лежали многіе съ отнятыми руками, или, ногами и не

кричали, какъ нѣкоторые изъ полубояръ нашихъ кричатъ отъ подагры или ревматизма, сидя въ волтеровскихъ креслахъ и обложась подушками. Нѣтъ! я не слышалъ пронзительныхъ криковъ, но слышалъ одни только болѣзненные стоны: и дивился терпѣнію страдальцевъ. Сильно билось въ груди моей сердце и замирало отъ страха. Я тихо читалъ молитвы и просилъ Бога поддержать меня въ слабости. На правомъ флангѣ нашемъ завязалось уже дѣло: открылся огонь съ батарей нашихъ, густый дымъ застилалъ и нашихъ непріятелей; земля стонала; между залповъ батарей слышна бы-

ла безпрерывная пальба изъ ру-
жей, наше громогласное ура! и
смѣшенные крики непріятелей.
Солнце сквозь дымъ казалось
кровавымъ. Сильно наступалъ
непріятель и приближался къ
намъ. Высланы стрѣлки; другъ и
товарищь мой М. назначенъ въ
оные и пошелъ, пожавъ мнѣ руку.
Мнѣ показалось, что онъ трепе-
талъ всѣмъ тѣломъ,—и немудрено!
онъ шелъ также въ первой разъ
и, можетъ быть, тайный голосъ
сердца его говорилъ ему, что
онъ уже не увидитъ захожденія
солнца.—Чрезъ полчаса приказа-
но усилить цѣпь стрѣлковъ и я
назначенъ былъ на смѣну, или
подкрѣпленіе моего друга М.

Едва вступилъ я въ линію цѣпи, какъ былъ осыпанъ, такъ сказать, градомъ пуль. Въ первую минуту сердце хотѣло у меня, такъ сказать, выскочить, во вторую всѣ чувства мои замерли; а чрезъ пять минутъ я былъ уже равнодушенъ. Товарищь мой палъ первый въ двухъ шагахъ отъ меня отъ роковой пули, попавшей ему въ грудь на вылетъ. Я подскочилъ къ нему. Пуля попала прямо въ сердце, кровь била фонтаномъ, руки его были теплы. Я разстягнулъ мундиръ, снялъ съ шеи его Образъ, надѣлъ на себя и приказалъ отнести его назадъ. Два часа продолжалась сильная перестрѣлка; цѣпь наша рѣдѣла,

но не подавалась назадъ ни на одинъ шагъ. Около меня падали солдаты, будучи или убиты, или ранены. Я стоялъ твердо и старался ободрять, сколько могъ, тѣхъ, которые вѣрены были моему надзору. Между тѣмъ непріятель пододвинулъ свѣжія колонны и началъ тѣснить насъ: сдѣлалось очень жарко. Генералъ приказалъ полку нашему ударить въ штыки, прогнать непріятеля, разсыпаться и подкрѣплять всю цѣпь стрѣлковъ. Приказать одному и исполнить другимъ было дѣло одной минуты. Крѣпко стоялъ непріятель, но штыки его опрокинули и въ самую минуту торжества нашего я получилъ

осколкомъ разорвавшейся гранаты сильную контузію въ грудь. Я упалъ и опомнился уже къ вечеру въ лѣсу за 4 версты отъ мѣста сраженія. Полковый лѣкарь оттиралъ меня спиртомъ. Открывъ глаза, я не зналъ, гдѣ я, и успокоился тогда, когда разсказали мнѣ, что непріятель разбитъ и наши пошли въ передъ. Въ сіе сраженіе Полковникъ былъ легко раненъ, а сертукъ его пробитъ въ 9 мѣстахъ. Въ третью недѣлю послѣ сего сраженія я выздоровѣлъ и былъ за отличіе произведенъ въ офицеры.

О какъ велика была моя радость, когда Полковникъ объя-

вилъ мнѣ Монаршую милость и не знаю, почему, взялъ на себя всю мою офицерскую окопировку. Чрезъ нѣсколько дней произошло у насъ новое большое сраженіе. Здѣсь добрый Полковникъ нашъ Прямиковъ получилъ смертельную рану въ животъ картечью, и умеръ на рукахъ лѣкаря. За сіе сраженіе я получилъ слѣдующій чинъ и узналъ о новомъ благодѣяніи моего крестнаго, которое однакоже послужило мнѣ сначала не въ пользу; но въ послѣдствіи уже превратилось въ настоящее свое назначеніе. Въ бумагахъ Полковника найдено было письмо Матвѣя Петровича къ нему, въ коемъ просилъ онъ

его принять на сбереженіе для меня на всякой могущій встрѣтиться случай десять тысячь рублей. На оборотѣ письма сего была сдѣлана надпись рукою покойнаго Полковника, что онъ точно получилъ сіи деньги. А какъ при смерти своей онъ приказалъ именно старшему по себѣ отдать деньги по принадлежности; почему въ тотъ же день, въ который съ искренними слезами и должными почестями зарыли мы своими руками тѣло обожаемаго нами начальника, я получилъ деньги и сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ нашихъ офицеровъ. Сначала я думалъ сохранить ихъ до возвращенія мо-

его въ отечество и возвратить съ благодарностію моему благодѣтелю, потомъ расположилъ часть оныхъ употребить на покупку лучшей окопировки и лошадей и съ каждымъ днемъ всегда находилъ въ умѣ моемъ купить что нибудь новое. Проходили день за днемъ; я не истратилъ еще ни копѣйки, признаюсь, любезные читатели, не отъ того, что не хотѣлъ покупать, но отъ того, что нѣчего купить было и не у кого, а на небольшія издержки я имѣлъ еще свои деньги. Вскорѣ опять послѣдовало сраженіе и сначала нѣсколько неудачное,—ибо силы наши не поспѣли къ назначенному вре-

мени; я пылко бросался съ стрѣлками моими на батарею непріятеля; картечь вырывала изъ цѣпи людей моихъ; но оставшіеся шли впередъ за мною, какъ вдругъ пуля попала мнѣ въ лѣвую ногу: я упалъ; солдаты мои прошли меня и бросились въ штыки, батарея была взята, я отнесенъ назадъ и отправленъ дая излеченія въ гошпиталь. За дѣло сіе и взятіе батареи, что было приписано моему мужеству, награжденъ я орденомъ и пословица моего крестнаго: за Царемъ служба никогда не пропадаетъ, сбылась совершенно.

Я прибылъ для излеченія моей

раны въ П. и поступилъ въ офицерской гошпиталь на руки очень искуснаго врача. Скоро изцѣлялась моя рана и скоро отъ природы мягкое мое сердце принимало новыя впечатлѣнія пороковъ. Увы! паденіе мое было еще страшнѣе перваго паденія; но за Богомъ молитва никогда не пропадаетъ.

ГЛАВА IV.

Не все то золото, что блеститъ.

Я не могъ еще приступать на ногу, но уже могъ ходить на двухъ костыляхъ. Въ гошпиталѣ нашемъ были офицеры разныхъ полковъ, разныхъ характеровъ и разныхъ правилъ. Мнѣ надлежало бы обдумать, заводя знакомства; но какъ обыкновенно держащіеся таковаго правила бываютъ скромны и молчаливы: почему мнѣ и трудно было попасть въ ихъ

кругъ. Всякая трудность молодежѣ непріятна. По моему гардеробу и по образу жизни, основанному на тщеславіи, скоро узнали, что я имѣю деньги. А что болѣе ихъ въ семъ удостовѣрило; то это то, что мой добрый крестный батюшка, узнавъ изъ письма моего о моей первой ранѣ и повышеніи моемъ за отличіе въ чинъ, прислалъ мнѣ 2000 рублей въ подарокъ. Я не думалъ скрывать сего. Да правду сказать и скрыть сего было не льзя: ибо деньги присланы были по почтѣ. Меня начали всѣ почитать богачемъ, искали свести со мною ближайшее знакомство, различнымъ образомъ льстили

моему самолюбію и успѣли въ своемъ намѣреніи. Я сдѣлался другомъ многихъ изъ раненныхъ офицеровъ, а чрезъ нихъ сблизился съ другими молодыми людьми, бывшими уже въ отставкѣ, или служившими въ статской службѣ. По мѣрѣ распространенія круга моего знакомства, я видѣлъ себя принужденнымъ жить открытѣе, нежели тогда, когда только что пріѣхалъ въ П. Офицерское званіе открыло мнѣ входъ во многія собранія, а въ томъ числѣ и въ клубъ, гдѣ почти всякой день собирались мои друзья. Ихъ обращеніе со мною питало мое тщеславіе: я былъ, такъ сказать, душею общества. Мысль

поддержать себя въ тонѣ богача, воспитаннаго и ловкаго офицера, понудила меня имѣть собственной екипажъ и перейти изъ гошпиталя на хорошую квартиру. Сія самая перемѣна квартиры была началомъ моего бѣдствія. Необязанный никому отдавать отчета въ моихъ поступкахъ, я вздумалъ и рѣшился жить, что называется en Grand. Прекрасное гошпитальное офицерское содержаніе казалось мнѣ неприличнымъ, и я переѣхалъ на квартиру, получалъ оное деньгами: новый источникъ лишнихъ денегъ! Каждый день ѣздилъ я въ городъ и каждый разъ покупалъ что нибудь для себя новое изъ

мебелей, или галантерейныхъ бездѣлушекъ; но покупая ихъ, я видѣлъ, что онѣ собственно меня еще не удовлетворяли. Надлежало, чтобъ видѣли ихъ другіе въ моихъ рукахъ: и такъ я приглашалъ къ себѣ товарищей, и радъ былъ душевно, что они никогда не томили моего нетерпѣнія долгимъ ожиданіемъ ихъ прибытія, или не скучали мнѣ упрямствомъ своимъ и отговорками. Они съѣзжались ко мнѣ то къ завтраку, то къ обѣду, а рѣдко на вечеръ: ибо вечера проводилъ я обыкновенно въ клубѣ, или у Коллежскаго Совѣтника Хорохоркина, имѣвшаго по словамъ его большое имѣніе въ какой-то

Губерніи и двухъ дочекъ. Собственныя, данныя при Святомъ Крещеніи, имена сихъ послѣднихъ были Лукерья и Анастасія; но какъ таковыя имена не такъ пріятны для слуха и неупотребительны въ модномъ свѣтѣ, то обѣ сестрицы съ позволенія маменьки и папеньки наименовали себя: одна *Лукреціею*, а другая меньшая *Темирою*.—Домъ Силуяна Евсигнѣевича Хорохоркина былъ одинъ изъ лучшихъ въ П. и былъ открытъ для всякаго, хотя мало знающаго свѣтъ и приличія онаго, особенно для офицеровъ, къ которымъ особенно благоволили Лукреція и Темира, которыя хотя не были такъ

вольны, какъ племянницы Семеркина, но имѣли каждая свои причуды и были отмѣнно изобрѣтательны и ловки въ обращеніи съ мущинами. У меня на завтракахъ и на обѣдахъ, или на нашихъ собраніяхъ у кого нибудь изъ моихъ пріятелей только было и разговоровъ, что о прелестныхъ сестрицахъ, о ихъ жеманной маменькѣ, выучившей на 40 году весны своей нѣсколько Французскихъ словъ и мѣшавшей оныя ежеминутно съ какимъ-то странно исковерканнымъ произношеніемъ въ каждую рѣчь свою, о ихъ тятенькѣ, ходившемъ всегда подъ пудрою, съ огромными перстнями на пальцахъ, съ

длинною эмалевою цѣпочкою у часовъ и страстно любившемъ тогда бывшую въ модѣ игру бостонъ, о которой всегда говорилъ онъ, что изобрѣтатель ея долженъ быть непремѣнно выше, нежели человѣкъ: ибо, (вотъ слова его), человѣку, неодаренному великимъ, неподражаемымъ геніемъ, невозможно выдумать такой превосходно-умной игры въ карты! Часто съ восторгомъ говоря о бостонѣ, прибавлялъ онъ: вотъ ужъ истинно насталъ вѣкъ просвѣщенія! Я долженъ признаться, что въ мои молодыя лѣта мнѣ извѣстны были почти всѣ игры, въ которыя бывало любилъ играть покойной мой родитель съ его

сосѣдями: мушка, горка, квинтиль, една; но всѣ онѣ должны уступить бостону: эта игра не убиваетъ времéни, а только сокращаетъ его, и это такое благодѣтельное изобрѣтеніе, что я и выразить не могу, особенно для нашихъ братьевъ помѣщиковъ, у которыхъ времени дѣвать некуда и которые не живутъ жалованьемъ Царскимъ, а пользуются доходами съ своихъ помѣстьевъ.

Любезные читатели! На первой разъ, думаю, довольно объяснилъ я вамъ, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ и съ кѣмъ привыкалъ я убивать мое время, котораго и у меня по милости незаживавшей еще

раны было очень, очень довольно.

Иногда, измученный у Хорохоркина бостономъ и умственными играми, (такъ называли Лукреція и Темира разныя игры, на прим. Исканіе булавочки по скрынкѣ, загадки, и пр.), возвращался я домой и, не взирая на ворчаніе стараго Ефрема, въ шлафоркѣ, въ Татарскихъ шитыхъ сапогахъ и въ красной Черкаской шапочкѣ покойно докуривалъ вечеровую мою трубку и допивалъ покалъ мадеры. Въ сіе время иногда приходили мнѣ въ голову Семеркины, Фортункины и прочіе прежніе мои знакомые. Я смѣялся надъ моею глупостію и

не понималъ, какъ можно было дворянину позволить себя взять полицейскому офицеру, посадить въ сибирку и давать отвѣтъ на запросы какого нибудь частнаго пристава? Подлинно я былъ очень глупъ, говорилъ я самъ себѣ. Потомъ начиналъ я сравнивать тогдашніе мои поступки съ теперешними. Мнѣ казалось сначала, что будто нахожу какое-то сходство; но, размысливъ хорошенько, видѣлъ другое. Здѣсь, ежели игралъ я въ бостонъ, то не изъ страсти, а въ удовольствіе Г. Хорохоркину и никогда не проигрывалъ болѣе 20, или 25 рублей. Съ милыми и ловкими сестрицами не игралъ я, какъ съ

племянницами Семеркина въ банкъ на конфекты; но проводилъ время съ удовольствіемъ и ежели имѣлъ для нихъ расходы, на прим.: нанималъ ложу въ театрѣ, угощалъ въ клубѣ и маскерадахъ, отдаривалъ за вязеные шелковые кошельки, за бисерныя зубочистки золотыми сергами, или колечками; то это была одна вѣжливость и обязанность молодаго, ловкаго и воспитаннаго офицера. Издержки по дому моему не нравились старому Ефрему, которому было очень досадно, что я нанялъ повара и не довольствовался уже его жирными щами, жаркою телятиной и кашею; но онъ самъ былъ виноватъ въ

этомъ: онъ не зналъ и не понималъ того, что офицеръ долженъ вести себя совсѣмъ иначе, нежели онъ думалъ, что долженъ поддерживать честь своего имени и открыть себѣ путь къ будущей славѣ, не жалѣя временныхъ издержекъ. Старый Ефремъ ворчалъ на то, что у меня было три Татарскихъ халата тогда, когда бы довольно было и одного. Но добрый старикъ не зналъ, что надобно имѣть всегда въ запасѣ такія вещи, на прим. для того, что иногда, кто нибудь изъ друзей моихъ возвращаясь изъ собранія со мною, останется у меня ночевать, что случалось нерѣдко; то надобно было,

чтобъ и гостямъ были халаты. Старый Ефремъ ворчалъ, что я покупалъ дорогою цѣною янтарные мундштуки къ трубкамъ; но мункштуки были тогда въ такой модѣ, что и бѣдные офицеры имѣли оныхъ по одному, хотя и недорогому. Старый Ефремъ ворчалъ, что у меня накуплено было много по его мнѣнію совершенно ненужныхъ бездѣлокъ, на прим. очковъ въ золотой оправѣ, лорнетовъ, и увѣрялъ меня, что я и безъ нихъ хорошо вижу. Онъ былъ съ одной стороны правъ, но съ другой виноватъ: ибо не зналъ, что очки носятся не для нужды, а для моды, и что слѣдуя общепри-

нятому въ нашемъ кругу мнѣнію, надобно было и съ прекраснымъ зрѣніемъ не видать ничего безъ очковъ. Моя мебель, лампы, касетки, портфели, въ которые, по неимѣнію у меня никакихъ дѣлъ, ни бумагъ, ни рисунковъ, клалъ онъ старые и новые бинты, компресы и иногда черное бѣлье, разнаго рода для зубовъ и ногтей щетки, мой туалетъ, кушетки, ломберные столы, марки и пр. и пр., также не нравились моему старому Ефрему, который часто говаривалъ мнѣ: какъ Богъ дастъ, сударь, вы выздоровѣете, да будете отправляться къ арміи, которая теперь далеко уже подвинулась

въ передъ, куда тогда дѣнемъ мы всю эту дрянь? Продадимъ за безцѣнокъ, или раздаримъ, или бросимъ такъ! Онъ почиталъ себя правымъ; но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ виноватъ: ибо не зналъ, для чего я началъ вести такую жизнь. Онъ имѣлъ весьма темное понятіе о чести и не постигалъ моего намѣренія. Однажды наскучивъ его ворчаніемъ, съ досадою сказалъ я ему: ты глупъ, Ефремъ, очень глупъ! слушай: я открою тебѣ мои планы и ты, увѣренъ я, меня похвалишь. Ты знаешь супругу Силуяна Евсигнѣича Хорохоркина; она двоюродная сестра Дивизіонному Командиру Генералу Трусилову, кото-

рый теперь въ резервной арміи и скоро будетъ Коммендантомъ въ У.: и такъ Улита Дмитревна дала мнѣ вѣрное слово, что я буду у братца ея Адъютантомъ, а ты вѣдь, думаю, знаешь, что Адъютантомъ быть не бездѣлка! Вотъ мы съ тобою тоскались, тоскались по походамъ, терпѣли нужду, и холодъ и голодъ; а что получили? Одинъ крестъ, да два чина! А помнишь того щеголя, что ѣзжалъ на прекрасной вороной лошади въ гусарскомъ мундирѣ? Онъ и въ огнѣ не былъ, а вся грудь въ крестахъ! Отъ чего? Отъ того, что онъ былъ Адъютантомъ у Генерала Ферликова, а вѣдь Барышкинъ-то еще и не

изъ дворянъ, а изъ купцовъ, только что богатъ. Вотъ каково быть Адьютантомъ! Еще ты знаешь Капитана Усанова, что ко мнѣ ходитъ: онъ племянникъ здѣшняго Губернатора?—Знаю, сударь, этаго буяна, выключеннаго за дурное поведеніе изъ полка. — Дуракъ! не за дурное поведеніе, а за то, что былъ на шести дуеляхъ, защищая честь свою и наконецъ, что не хотѣлъ уважить своего Полковника, который былъ сущій невѣжа. Однакоже, сударь, какъ я слышалъ, такъ этотъ Полковникъ былъ очень храбръ и такъ добръ, что цѣлой полкъ называлъ его отцемъ роднымъ. Ну, да! Да онъ былъ

невѣжа потому, что не умѣлъ цѣнить достоинствъ такихъ офицеровъ, каковы были у него: Капитанъ Усановъ и Поручикъ Пиголицынъ. Ну ужъ, сударь, объ Усановѣ я не знаю хорошо, а ужъ вашъ Пиголицынъ настоящая пиголица и не похожъ на офицера-то; ему бы, сударь, только сидѣть дома у матушки подъ шугаемъ. Ну что онъ за офицеръ? Какъ бывало только услышитъ, что непріятель близко, или какъ выстрѣлятъ изъ пушки, такъ съ нимъ и дурнота и какая-то колика случится, да тотчасъ и въ обозъ; а какъ куда съ церемоніей въ городъ вступать, либо на балъ, такъ онъ первой. Оно

такъ, Ефремъ, да вѣдь у Пиголицына 4000 душъ крестьянъ, а какъ танцуетъ мазурку! — Посмотрѣлъ бы я, сударь, какъ бы онъ сталъ танцовать тамъ, гдѣ покойной нашъ Полковникъ Прямиковъ животъ свой положилъ за Вѣру и Царя. Ну, полно, Ефремъ, объ этомъ, ты не дослушалъ еще меня: такъ видишь, Усановъ черезъ дядюшку своего хочетъ также просить обо мнѣ Генерала Трусилова. А тамъ, какъ буду Адьютантомъ, такъ женюсь на Темирѣ Хорохоркиной, за которою приданаго 500 душъ, да тысячь 200 наличныхъ. Ну! теперь видишь ли, для чего и живу я такъ открыто, и щеголяю, и

принимаю много гостей? Гости, увидя, какъ я живу, разсказываютъ обо мнѣ всѣмъ въ городѣ, меня за то уважаютъ, любятъ, принимаютъ вездѣ и обѣщаютъ составить счастіе. — И такъ, сударь, видно вы ужъ болѣе не хотите ѣхать къ арміи?--Будетъ, Ефремъ! я послужилъ: чего же еще надобно. А что говаривалъ вамъ вашъ крестный? И! Ефремъ, мало ли что онъ говорилъ! Ему хорошо говорить, сидя на мѣстѣ, да имѣя милліона три денегъ, а у меня, ты знаешь, нѣтъ ничего. Такъ надобно подумать о будущемъ, надобно пользоваться случаемъ. Службы я не оставлю, а буду Адьютантомъ и возьму за женою

500 душъ и 200 тысячь наличными; тогда, братъ, за твою службу отпущу тебя на волю. А чѣмъ, сударь, буду я на старости питаться?—Ну я положу тебѣ пенсіонъ, или дамъ мѣстечко. — Эхъ! сударь, послушайте ка лучше старика Ефрема: онъ на вѣтеръ слова не скажетъ. Не все сударь то золото, что блеститъ.

ГЛАВА V.

Славны бубны за горами.

Осень и ползимы прошли такъ быстро, что я почти и не примѣтилъ. Многіе изъ моихъ сотоварищей уже давно отправились къ арміи, а нѣкоторые уже опять возвратились для излѣченія новыхъ ранъ. Кромѣ получаемаго мною жалованья и денегъ за гошпитальное содержаніе, отъ присланныхъ моимъ крестнымъ 2000 рублей у меня не осталось уже

ни копѣйки и я съ сокрушеннымъ сердцемъ принимался за первую тысячу изъ извѣстныхъ десяти, о которыхъ я по какой-то предусмотрительности не писалъ къ моему благодѣтелю. Денегъ, признаюсь откровенно, мнѣ было нѣсколько жаль, но времени нѣтъ; ибо я не видалъ, какъ мчалось оно, проводя первую половину дня во снѣ, катанъѣ и пріятельскихъ завтракахъ, вторую далеко за полночь, или на балѣ, или въ маскерадѣ, или у Г. Хорохоркина съ его прелестными сестричками, или наконецъ съ Усановымъ и Пиголицынымъ, какъ добродушный N съ сосѣдомъ его Буяновымъ. Любезные читатели! не

сердитесь на меня за откровенность мою. Теперь пишу, я краснѣя о моихъ шалостяхъ; но тогда не краснѣлъ я, тогда не думалъ вспоминать о словахъ почтеннаго моего благодѣтеля, не думалъ вспомнить о случившемся со мною во время знакомства съ Фортункинымъ и его отлично-характерной бандою. Званіе офицера дѣлало меня смѣлымъ, а товарищество Усанова, Громилина и другихъ, особенно служившаго въ Губернаторской канцеляріи полицимейстерскаго родственника Срывалова, не боявшагося ни дозоровъ, ни патрулей, ни даже дежурныхъ квартальныхъ, предохраняло меня

отъ всякихъ непріятностей. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ раненныхъ офицеровъ, знавъ наши проказы, осуждали наше поведеніе, а нѣкоторые, говоря мнѣ даже и въ глаза совѣтуя не дружиться съ Усановымъ, Громиловымъ, Срываловымъ и другими извѣстными въ городѣ ихъ дебошами и низкими поступками; но въ сихъ совѣтахъ я видѣлъ одну зависть моихъ небогатыхъ товарищей, живущихъ, какъ говаривали мы на нашихъ шумныхъ завтракахъ, однимъ жалованьемъ и порціею, а о истинной чести неимѣвшихъ и понятія. Многіе, да наградитъ ихъ Богъ! пытали говорить мнѣ истину, разсказы-

вали многое, весьма невыгодное о домѣ Хорохоркина; но замѣтя, что я слушалъ ихъ съ насмѣшкою и иногда съ горячностію моднаго Донъ-Кишота вступался за честь Лукреціи и Темиры, какъ древній Донъ-Кишотъ за честь своей Дульцинеи, пожимали плечами, не говорили мнѣ болѣе ни слова и чуждались меня. Я душевно радовался, что отвязался отъ нихъ и жилъ по прежнему

Съ виномъ, съ прелестными мечтами
И со бутыльными друзьями.

Наступила масляница, давно ожиданная нами. Кто не знаетъ

этаго бѣшенаго времени, въ которое по какому-то странному обыкновенію люди, даже и самые степенные, думаютъ нагуляться, наѣсться и напиться на весь Великій постъ, не думая о томъ, что установленіе Сырной недѣли принадлежитъ къ благодѣтельнымъ учрежденіямъ по ея цѣли? Не входя въ разсмотрѣніе причинъ такой порчи, скажу, что мы съ нетерпѣніемъ ожидали масляницы и наконецъ дождались. Я давно уже могъ ходить безъ костылей, но ходилъ на оныхъ для важности. Теперь смѣнилъ я ихъ на небольшой ручной костыль съ прекрасно выточенною и обдѣланною въ золото рукояткою.

Парныя сани мои были поновлены, хомуты и вся упряжь новая съ бронзою, сѣтки на коренную и пристяжную, (тогда онѣ были въ модѣ), сплетены были руками Лукреціи и Темиры, или ихъ горничными, только подъ собственнымъ ихъ надзоромъ и изъ моего шелку. Изъ моего, говорю, потому, что хотя онѣ и слышать не хотѣли, чтобы я заплатилъ за шелкъ и даже не сказывали, сколько пошло онаго; но я, какъ вѣжливый кавалеръ, узналъ тайну отъ горничной, которая иногда хаживала мимо моей квартиры и которой иногда за поклонъ отъ барышни, иногда и такъ дарилъ я колечки, платочки и цѣл-

ковыс, узнавъ, что издержано,— замѣтьте, по словамъ ея около 10 фунтовъ, я предъ наступленіемъ масляницы отослалъ въ пакетѣ 200 рублей съ простою надписью: *за шелкъ отъ благодарнаго Кривосудова.* Пакетъ принятъ былъ; но въ тотъ же вечеръ уши мои были выдраны прелестными ручками обѣихъ сестрицъ, а грудь моя украсилась бисернымъ снуркомъ къ часамъ зеленаго цвѣта съ надписью: *живи! надежда краситъ жизнь!* Въ первое катанье отличался я на моей парѣ вороныхъ въ новой упряжѣ и подъ сѣтками розоваго цвѣта съ зеленою каймою. Въ первое катанье я за долгъ поставилъ отблаго-

дарить за трудъ прелестныхъ сестрицъ двумя шалями рублей по 200 каждая и самой послѣдней моды. Я страшился, не зная, будетъ ли принятъ мой подарокъ, или нѣтъ, и какъ наконецъ онъ будетъ принятъ. Въ семъ моемъ раздумьѣ помогъ мнѣ Пиголицынъ, присовѣтовалъ написать учтивое письмо и все вмѣстѣ тихонько отдать маменькѣ Улитѣ Дмитріевнѣ, прося ее посредничества. Шали приняты благосклонно: и я въ тотъ же вечеръ ангажированъ Темирою, которой, правда, и я всегда оказывалъ предпочтеніе: ибо Лукреція немножко позасидѣлась въ дѣвушкахъ, или словами нашего

Баснописца, *была ужъ дѣвой зрѣлой.* И такъ я былъ ангажированъ Темирою на всѣ вечера для полонеза; потому что мнѣ еще рано казалось по ранѣ моей пускаться въ кадрили и экосесы.

Весело протекли дни масляницы; я сблизился съ Темирою и еще въ первой же вечеръ послѣ перваго катанья почти изъяснился я ей въ моей къ ней привязанности и получилъ отъ нее половинное признаніе. Надобно вамъ сказать, почтенные и любезные читатели, что въ характерѣ моемъ была странная черта. Первое: я былъ ужасно нетерпѣливъ; второе: совершенно

беззаботливъ. Я думалъ о послѣдствіяхъ тогда уже, когда половина была уже сдѣлана. Такъ точно поступилъ я съ изъясненіемъ моимъ Темирѣ. Восхищенный успѣхами торжествующаго моего тщеславія отъ оказываемаго мнѣ предпочтенія, я, ни мало не думая, при первомъ удобномъ случаѣ, когда Темира была одна въ гостиной, а гости всѣ толпились въ залѣ, смотря на экосесъ съ новыми фигурами, которыя къ масляной присланы были къ здѣшнему танцмейстеру изъ Петербурга, сказалъ ей, что очень бы былъ счастливъ, еслибъ судьба навсегда утвердила пребываніе мое въ ихъ городѣ. На-

чало шаковаго моего приступа ничего не обѣщало; но Темира, —О женщины! кто постигнетъ ваши хитрости, всѣ изгибы вашего сердца? — Темира поняла меня слишкомъ много, продолжала по вступленію моему разговоръ, отрывками во весь вечеръ исторгла, такъ сказать, мое невольное признаніе, искуснымъ образомъ съ томными взорами и полуудерживаемыми вздохами поселила во мнѣ лестныя надежды и заключила тѣмъ, что девизъ на моемъ снуркѣ у часовъ есть изображеніе ея сердечныхъ чувствъ.—,,На что болѣе желать мнѣ, твердилъ я самъ себѣ во все остальное время

сего вечера, я любимъ, я счастливъ!—Что скажетъ тебѣ твой крестный и мать твоя, говорилъ мнѣ холодный разсудокъ? Темира! Темира! кричало сердце, и все забыто.—Поздно пріѣхалъ я домой, въ первой разъ спалъ весьма дурно, мнѣ снились ужасы.—Рано по утру всталъ я, будучи разбуженъ другомъ моимъ Усановымъ и первое его слово было: поздравляю! Я смѣшался, но Усановъ пожалъ мнѣ дружески руку и сказалъ: полно, полно, за чѣмъ таиться? Я все видѣлъ и, даже виноватъ, подслушалъ. Темира и ты прекрасная пара, лучше и желать не надобно, ты сдѣлалъ безошибочной выборъ, съ Бо-

гомъ! брать, брось службу, съ твоимъ состояніемъ не для чего таскаться по походамъ: живи покойно и веселись!

Я, признаюсь, нѣкоторымъ образомъ былъ очень радъ, что Усановъ узналъ мою тайну: ибо мнѣ послѣ вчерашняго объясненія чрезвычайно хотѣлось имѣть кого нибудь, которому могъ бы я, открывать мои планы, облегчать мое сердце и твердить кому нибудь о моей Темирѣ. Случай поблагопріятствовалъ и я, какъ водится, заключилъ съ нимъ союзъ дружбы, не зная еще, что значитъ дружба. За первою чашкою кофе другъ мой Усановъ съ

большимъ принужденіемъ признался мнѣ, что очень нуждается въ деньгахъ. Я не дожидался послѣ сего его просьбы, но самъ тотчасъ предложилъ ему тысячу рублей. Усановъ отказался, но просилъ 500 рублей и не иначе, какъ подъ заемное письмо. Въ 10-ть минутъ слажено дѣло, пара моя была запряжена: и мы въ клубѣ за горячими блинами пили Шампанскимъ здоровье моей Темиры и святость дружбы. Обѣдали мы у Хорохоркина, послѣ обѣда меня насильно Улита Дмитріевна посадила за бостонъ. Я игралъ, забывалъ сюры, ставилъ ремизы, жаловался на головную боль, игралъ безъ всякаго вниманія и

въ шесть часовъ съ радостнымъ лицемъ выкинулъ проигранныя мною сто рублей, и всталъ изъ за стола.—Вы сегодня, шепнула мнѣ Темира, очень несчастливы. —Это отъ того, сударыня, отвѣчалъ я поцѣловавъ страстно ее, что не могу притти въ себя отъ вчерашняго счастія. Темира улыбнулась. Сегодня Хорохоркины не поѣхали на вечеръ къ Совѣтнику Губернскаго Правленія, потому что Улита Дмитревна была нѣсколько нездорова, на лицахъ дочекъ ея изображалось неудовольствіе. Пиголицынъ умчался, а мы съ Усановымъ поѣхали ко мнѣ, дорогою заѣхали къ Срывалову, у него была пирушка

ка: человѣкъ 10 было гостей; намъ были рады; но я былъ не въ духѣ, досадовалъ, послѣ чаю сѣли было играть въ карты. Другъ мой Усановъ выигралъ рублей до ста;-- но скоро игра разстроилась. Усановъ, Громиловъ и я поѣхали кататься, приглася съ собою хозяина и нѣкоторыхъ изъ гостей его; согласились, объѣздили полгорода, измучили лошадей, заѣзжали кой-куда для разсѣянія, въ томъ числѣ въ театръ, гдѣ всѣхъ нашихъ товарищей угостилъ я креслами; но въ театрѣ мы застали конецъ игранной драммы, за то позѣвали на балетъ весьма посредственной въ сравненіи съ тѣми, кои видѣлъ я въ столицѣ,

и вышли, не дождавшись конца. Куда теперь? кричалъ Усановъ, садясь со мною въ сани. Прямо! сказалъ я кучеру: и трое саней нашихъ понеслись, какъ стрѣла, прямо мимо дома Хорохоркиныхъ. Тамъ горѣли еще въ заднихъ комнатахъ свѣчи. Я пристально смотрѣлъ на окна, приказавъ ѣхать шагомъ; но никого не могъ примѣтить. ,,Пошелъ! сказалъ я: и въ нѣсколько минутъ мы были уже за мостомъ широкой рѣки, протекавшей чрезъ городъ. Стой! закричалъ я, господа! я сегодня разстроенъ: хочу успокоить чувства мои виномъ. Надѣюсь, господа! что не откажете распить со мною дюжину

горскаго. — Никто не отказался. Послѣ первой полудюжины разговоръ сдѣлался общимъ, коснулся до веселостей масляницы, говорили о Хорохоркиныхъ. Тогда Срываловъ началъ весьма невыгодно отзываться о томъ домѣ, гдѣ я принятъ былъ столь отлично. Это взорвало меня, сперва я уговаривалъ его перестать; но онъ не умолкалъ. Я сердился; онъ еще болѣе злословилъ и осмѣлился даже говорить о Темирѣ. Тогда я сдѣлался внѣ себя; назвалъ его бездѣльникомъ, грозилъ обрубить ему уши и носъ, если онъ хоть слово скажетъ еще о Хорохоркинѣ и его семействѣ. Тогда Срываловъ принялъ другой тонъ и какъ по род-

ству своему съ Полицимейстеромъ, такъ по службѣ въ канцеляріи Губернатора, началъ самъ мнѣ угрожать обыкновенными приказными ужимками: славны бубны за горами, сказалъ онъ, а здѣсь вѣдь не въ арміи: усмиримъ и не такого: Хорохоркины выбрали худаго защитника своей увядшей чести. Я кипѣлъ отъ гнѣва, дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Срываловъ продолжалъ, стуча безпрестанно стаканомъ по столу, облитому горскимъ. Нѣтъ, нѣтъ! господинъ армейской, бездѣльника ты возьми назадъ: я тебѣ прощаю это, какъ ... Я не далъ ему договорить и далъ ловкую ему пощечину—Какъ? нашихъ? вскри-

чали его товарищи и вскочили съ мѣстъ своихъ. Я отступилъ на шагъ къ стѣнѣ и опомнясь, смотрѣлъ: тутъ ли другъ мой Усановъ? Но дѣло, видно было, слажено впередъ: Усанова уже не было. Всѣ кричали, подступили ко мнѣ ближе. Тогда не находя никакой помощи и не желая себя обезславить, я грозилъ первому, кто подойдетъ ко мнѣ, отрубить носъ: и взялся за ефесъ сабли. Постойте! господа, сказалъ Срываловъ своимъ товарищамъ, такихъ храбрецовъ учить надобно иначе. Вы и ты, хозяинъ, должны быть свидѣтелями. Онъ поплатится мнѣ за пощечину добрымъ порядкомъ. Вѣдь я его бла-

городію не сказалъ ничего оскорбительнаго для его чести? — Ничего, ничего, закричала вся чернильная сволочь. Такъ будте свидѣтелями: я завтра же подаю бумагу Комменданту; притянемъ и Хорохоркина. При семъ словѣ я пришелъ въ себя: и какая ужасная картина представилась моему воображенію! Стыдъ, поношеніе, извѣстность, что я ночное время въ погребкѣ уличенъ въ дебошѣ—и за что? За имя тѣхъ людей, которыхъ почиталъ и уважалъ. Исторія сія сдѣлается гласной и мнѣ откажутъ отъ дома. Темира будетъ презирать меня. Симъ оканчивалась ужасная картина моего

воображенія; между тѣмъ Срываловъ съ его свитою вышелъ. Нѣсколько минутъ стоялъ я одинъ, какъ осужденный, подошелъ къ столу, молча вынулъ деньги за дюжину проклятаго горскаго и хотѣлъ уже идти, какъ встрѣтился въ самыхъ дверяхъ съ Усановымъ. Что такое у васъ было здѣсь? спросилъ онъ меня, я встрѣтилъ Срывалова; онъ былъ очень взбѣшенъ. Я бросился на шею другу моему, въ короткихъ словахъ разсказалъ все случившееся и просилъ помочь мнѣ. — Ты напрасно погорячился противъ этихъ піявокъ. Это невоенные! пощечина для многихъ изъ нихъ кладъ, говорилъ Усановъ,

тутъ дѣло рѣшеное: они подадутъ на тебя бумагу и счастливъ еще ты будешь, если кончишь миромъ. Погоди! мнѣ пришла славная мысль; посиди здѣсь, я поѣду на твоей парѣ, догоню ихъ и ворочу сюда: мы кончимъ это миромъ. — Усановъ выскочилъ. Я слышалъ, какъ покатились сани, и началъ дышать свободнѣе. Чрезъ полчаса они возвратились всѣ. Я не рѣшался просить извиненія. Срываловъ никакъ не соглашался на миръ, безпрестанно твердя о пощечинѣ, о безчестіи, о слѣдствіи и судѣ. Усановъ заглушалъ всѣхъ своимъ крикомъ, уговаривалъ, упрашивалъ, приказалъ подать свѣжую дюжи-

ну горскаго и проклиналъ себя, что не во время вышелъ проводить Громилова до саней его. Наконецъ удалось ему нѣсколько уладить Срывалова. — Покойно сѣли всѣ около столика, на которомъ непочатая еще дюжина стояла, какъ батарея, угрожающая цѣлымъ легіонамъ здравыхъ мыслей и голосу разсудка. Миръ! говорю я вамъ, сказалъ Усановъ, ну! что за важное дѣло пощечина? Вѣдь слѣда на щекѣ не будетъ, а мы не вынесемъ: такъ возьми лучше, что тебѣ слѣдуетъ, безчестія, да и дѣлу конецъ. Всѣ единогласно подтвердили слова Усанова и Срываловъ смягчился, пожелавъ взять съ меня

за безчестіе 500 рублей, да въ знакъ возобновленнаго дружества мои золотые часы.—Только безъ снурка, сказалъ я съ душевною радостію, что поступокъ мой не будетъ никому извѣстенъ: снурка не отдамъ я за милліонъ! А я, сказалъ Срываловъ, на 50 рублей куплю ихъ дюжину. — У всякаго свои причины, прервалъ Усановъ и началъ откупоривать бутылки. Съ стѣсненнымъ сердцемъ поцѣловался я съ Срываловымъ, отдалъ часы безъ снурка, а въ деньгахъ до завтра далъ росписку; ибо со мною не было столько. Снова полилось горское. Мы пробыли тутъ до заутрень; но ни слова не было уже гово-

рено о Хорохоркиныхъ. Я возвратился домой, бросился въ постель, съ презрѣніемъ вспоминалъ о Срываловѣ и Усановѣ, котораго измѣна и участіе въ семъ заговорѣ были очевидны. *Славны бубны за горами*, подумалъ я наконецъ; хороши друзья были въ древности, хороши друзья на сценахъ театра, хороши друзья въ модныхъ прелестныхъ романахъ; а на дѣлѣ въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ и Пилады и Оресты, и всѣ образцы пламеннаго истиннаго дружества суть только призраки фантасмагорическихъ прелестей. Благодѣтельный сонъ сомкнулъ мои рѣсницы.

ГЛАВА VI.

О женщины!

Вошь глава, которую долго не рѣшался я писать, боясь оскорбить слухъ и сердце доброй супруги и всѣхъ шѣхъ женщинъ, которыя, по назначенію Премудраго Промысла, суть истинныя помощницы мужескаго пола, суть шѣ благородныя существа, которыя услаждаюшъ скорби нашей жизни, кроткимъ нравомъ и ласкою умѣряюшъ нашу строптивость, заставляюшъ забывать

горе и труды, и усыпають путь бурной жизни нашей розами. Долго не рѣшался я писать главу сію; но добрая жена моя, узнавъ страхъ сей, уничтожила мою нерѣшимость слѣдующимъ справедливымъ заключеніемъ: мой другъ, сказала она, какъ мужчины, такъ женщины не всѣ одинаковы. Добрые, честные и благородно мыслящіе есть во всѣхъ состояніяхъ и во всѣхъ сословіяхъ: не всѣ таковы, каковы твои Фортункинъ, Кійовъ, Срываловъ и другіе, и не всѣ женщины таковы, какъ бывшія твои пріятельницы Семеркина, жеманная Улита Дмитревна и ея дочки. Пиши, пиши истинну: кто не чувствуетъ за

собою подобнаго, тотъ не обидится.

Проснувшись на слѣдующее утро, Ефремъ доложилъ мнѣ, что меня въ залѣ давно уже дожидаются Усановъ и Срываловъ. Я понялъ, за чѣмъ, выслалъ Ефрема и велѣлъ просить ихъ къ себѣ въ спальню. Голова моя болѣла ужасно. Я едва могъ говорить и принялъ гостей моихъ, не вставая съ постели. Послѣ первыхъ обыкновенныхъ привѣтствій я самъ завелъ разговоръ о вчерашнемъ, позвонилъ въ колокольчикъ, приказалъ вошедшему Ефрему подать шкатулку и, когда сей вышелъ, то отсчиталъ 500 рублей

и отдалъ Срывалову, который хотѣлъ за подписомъ своимъ возвратить мнѣ мою росписку, но я отказывался.—Помилуйте! ужъ это такъ водится: и почти насильно всунулъ мнѣ въ руку подписанную имъ росписку. Усановъ молчалъ, смотрѣлъ въ окно и насвистывалъ мазурку. Я приказалъ подать кофе, оба дорогіе мои гостя выпили по чашкѣ и, холодно простясь со мною, уѣхали. Слава Богу, сказалъ я, радостно взглянувъ на дверь, за ними затворившуюся. Въ полдень я едва могъ одѣться и ѣхать къ Темирѣ, за которую претерпѣлъ столько неудовольствія. По обыкновенію я былъ принятъ безъ

церемоніи, какъ другъ дома, и тотчасъ была замѣчена моя блѣдность. Я жаловался на головную боль. Сама хозяйка, Лукреція и еще болѣе ихъ принимала участіе въ болѣзни Темира: голова моя облита моя лодиколономъ, сама Темира подавала мнѣ на сахарѣ гофманскія капли, и по случаю сей моей болѣзни приказано было отказывать гостямъ. Обѣдъ былъ запросто, Темира сидѣла подлѣ меня, вздыхала и безпрестанно напоминала мнѣ о лѣкарѣ. Къ вечеру мнѣ сдѣлалось лучше; я уѣхалъ домой, подкрѣпилъ истощенныя силы мои покаломъ мадеры и явился при подъѣздѣ въ собраніе, гдѣ назначенъ былъ въ

тотъ день маскерадъ, въ ту самую минуту, когда карета Хорохоркина подъѣхала и надлежало высаживать дамъ. Вечеръ проведенъ отмѣнно весело. Предъ выходомъ Темира подозвала меня къ себѣ и тихо сказала мнѣ, что ее многія подруги поздравляли уже моею невѣстою. Я поцѣловалъ ея руку и проводилъ до кареты. Самъ Силуянъ Евсигнѣевичь былъ что-то не въ духѣ. Послѣ узналъ я, что онъ несчастливо игралъ въ бостонъ.

Масляница приходила уже къ концу. Многіе говорили, что у Хорохоркина долженъ быть на послѣднихъ дняхъ вечеръ; но я

не замѣтилъ никакого пригошовленія. Въ Пяшницу рано поушру получилъ я карточку, коею Темира своеручно приглашала меня на завтракъ. Отказаться было не возможно, да и не согласовалось съ желаніемъ моего сердца. Въ 9-ть часовъ я приказалъ закладывать лошадей, а въ 10-ть былъ уже за столомъ подлѣ Темиры и съ аппетитомъ ѣлъ блины, запивая ихъ мадерою. Старикъ былъ во время завтрака противъ своего обыкновенія молчаливъ. Мать вздыхала и желала, чтобъ скорѣе наступилъ Великій постъ. Лукреція почти ничего не ѣла и была очень печальна. Темира была тиха, но, кажется,

веселѣе другихъ: это меня крайне удивило. Послѣ завтрака я захотѣлъ узнать причину, и моя Темира съ дѣтскою милою простотою сказала мнѣ: батюшка ея ожидалъ оброку изъ деревни, хотѣлъ по приличію, какъ и каждой годъ бывало, сдѣлать въ субботу вечеръ; но по нерасторопности управителя обманулся въ надеждѣ и теперь чрезвычайно огорченъ. И мы, прибавила она, пожавъ мнѣ руку, принуждены отказаться отъ удовольствія батюшки. Тутъ опустила она глаза внизъ и яркой румянецъ заигралъ на щекахъ ея. Батюшка хотѣлъ было просить васъ, но совѣстится .... Впрочемъ ба-

тюшка, — быстро подняла она голубые глаза свои и взглянула на меня,—впрочемъ батюшка готовъ дать залогъ, еслибъ только зналъ, у кого можно перехватить недѣли на двѣ три или двѣ тысячи. У васъ есть знакомые: не можете ли вы объ этомъ постараться? — При словѣ: залогъ, я вспыхнулъ отъ негодованія. Когда кончила она рѣчь, тогда я тотчасъ предложилъ свои три тысячи рублей, примолвивъ: *только безъ залога.*—Залогомъ вамъ будетъ рука моя и вѣчная благодарность, сказала Темира, положивъ съ нѣжностію бѣлую ручку свою на плечо мое. Я осыпалъ ее поцѣлуями, стремглавъ выскочилъ

изъ залы, забылъ шинель въ передней, въ одномъ сертукѣ поскакалъ домой, взялъ деньги и въ полчаса привезъ ихъ къ Силуяну Евсигнѣевичу. Онъ былъ очень доволенъ. Улита Дмитріевна такъ была рада, что не знала почти, что и говорить, благодарила и на Русскомъ и на Французскомъ языкахъ, намѣкала, кажется, на то, что отплатитъ мнѣ рукою Темиры: я былъ внѣ себя. Тотчасъ заложена была карета: мать поѣхала въ ряды закупать все нужное къ завтрашнему вечеру, а Лукреція и Темира съ позволенія родителей на моихъ саняхъ и со мною поѣхали въ модные магазины за обновами

къ балу; за 500 рублей, данныхъ намъ на покупки, мы привезли много бумажныхъ картиновъ, но мало цѣннаго, и тогда-то имѣлъ я случай въ первой разъ видѣть суетность женщинъ.

Не описываю вамъ, любезные читатели, субботняго бала Г. Хорохоркина: оный, какъ и всѣ сего рода увеселенія, былъ шуменъ, въ часъ съѣзда хозяину пріятенъ, а потомъ, когда тщеславіе его было удовлетворено, то сдѣлался скученъ. Гости наслаждались, веселились, скучали, грызли себѣ съ досады ногти, слѣдуя каждый собственнымъ чувствамъ, которыя постигнуть трудно было и

самому наблюдательному генію. Балъ кончился предъ разсвѣтомъ богатымъ ужиномъ, которымъ по цѣнности его истинно можно бы было пропитать пять или шесть семействъ цѣлые два года. Не смотря на сіе, многіе, увѣренъ я, вышли изъ за стола съ пустымъ желудкомъ, не потому, что не доставало кушанья, а потому, что иному чрезмѣрная усталость отъ вальсовъ, иному досада, иному значительный проигрышъ въ карты не позволяли думать о пищѣ. — Гости разъѣхались. Я былъ послѣднимъ и, можетъ быть, одинъ изъ всѣхъ, который былъ больше всѣхъ радъ, что доставилъ удовольствіе моей

Темирѣ и ея почтенному семейству. — Мои друзья всѣ были на балѣ; но я былъ холоденъ къ нимъ и старался показать имъ, что я не дуракъ и понимаю ихъ. Странное дѣло! въ бурной жизни человѣка, покорствующаго страстямъ, всегда одна глупость смѣняетъ другую. Такъ было и со мною. Наученный новымъ горькимъ опытомъ, я почти совершенно прекратилъ знакомство мое съ Усановымъ, Громиловымъ, Срываловымъ, Пиголицынымъ и проч. Отъ чего и въ карманѣ и въ головѣ моей оказывалось менѣе пустоты и болѣе самодовольства. Но съ другой стороны я страстно прилѣпился къ Темирѣ

и, жертвуя для нее всѣмъ, терялъ и деньги, и время, и разумъ и спокойствіе сердечное.

Съ шумомъ протекла масляница. Унылый звонъ колоколовъ къ часамъ, казалось, звалъ каждаго дать отчетъ въ прошедшихъ дѣяніяхъ и отмѣнно непріятенъ былъ для слуха; но дѣлать нечего! Еслибъ круглой годъ была масляница, то безошибочно можно сказать, что у инаго отъ огромнаго имѣнія не осталось бы ни гроша на капусту, иной вывихалъ бы себѣ отъ танцевъ ноги и не могъ бы ходить, иной погрузясь въ пуншевыя чаши, не примѣтилъ бы, какъ бы его за-

рыли внѣ кладьбища, не удостоя и погребенія, или какъ попалъ бы въ Медико-Хирургическую Академію на анатомическія лекціи, а иной подвергся бы долговременному мученію хроническихъ болѣзней, словомъ: кажется, однимъ лѣкарямъ и аптекарямъ это было бы на руку.

Весь постъ проводилъ я единообразно, т. е., до обѣда дома, а остальную часть дня у Хорохоркиныхъ. Темира казалась мнѣ часъ отъ часу прелестнѣе. Въ городѣ между тѣмъ гласно говорили о сватовствѣ моемъ, а нѣкоторые доброхоты назначали уже и день свадьбы моей. Приличіе тре-

бовало скорѣйшаго объясненія и во второй половинѣ поста въ одинъ вечеръ я имѣлъ важный разговоръ съ Силуяномъ Евсигнѣевичемъ и Улитою Дмитріевною, кончившійся, къ несказанной моей радости, тѣмъ, что призвали Темиру и объявили ей по формѣ, чтобъ она меня любила и почитала нареченнымъ женихомъ своимъ. Въ слѣдствіе сего разговора будущій тесть мой хотѣлъ приступить къ приготовленію, именно: списаться съ нѣкоторыми знакомыми, должными ему значительными суммами. Будущая теща хотѣла въ третій разъ писать къ Трусилову и разбранить своего кузина, что я до сихъ поръ не

перевожусь въ его дивизію и не назначаюсь къ нему въ Адъютанты. Я долженъ былъ писать къ матушкѣ и къ благодѣтельному моему покровителю о позволеніи мнѣ вступить въ бракъ. Не знаю, исполнили ли тесть и теща моя свои намѣренія; а я точно писалъ, но долго не получалъ отвѣта.

Надобно вамъ сказать, любезные читатели, что я часто писалъ къ доброму моему крестному, писалъ и о смерти Полковника Прямикова; но о полученныхъ мною деньгахъ умолчалъ. Добрый кумъ Матвѣй былъ очень радъ, что я получилъ два чина,

орденъ, окурился порохомъ, имѣлъ двѣ раны и вступилъ въ хорошій кругъ знакомства. Въ письмахъ его ко мнѣ онъ совѣтовалъ вести себя, какъ слѣдуетъ благородному человѣку, и раза два присылалъ по тысячѣ и болѣе мнѣ на расходы. Ему не нравилось только, что я долго лѣчусь, не ѣду къ арміи и, по собственному его выраженію, проселочною дорогою хочу идти по пути службы: — онъ писалъ ко мнѣ, что не имѣетъ чести знать Генерала Трусилова; но что ему не нравится въ семъ будущемъ моемъ покровителѣ фамилія, то, что онъ въ резервной арміи и что я не писалъ ему, есть ли у него какіе

ордена, или еще нѣтъ. Я многое читывалъ Силуяну Евсигнѣевичу изъ писемъ добраго кума Матвѣя и всегда приводилъ его въ восхищеніе. Откровенность, попечительная заботливость его о мнѣ, совѣты и трижды присылаемыя деньги, по чину моему значительныя, достаточно увѣряли всѣхъ въ городѣ, что я принадлежу къ классу богачей и что со временемъ могу получить огромное наслѣдство. Слухи о мнѣ носились по городу самые выгодные; но меня начинало безпокоить то, что шкатулка моя примѣтно пустѣла; по дому моему расходы весьма, къ удовольствію моего стараго Ефрема, умалились: не держа

уже стола, я отпустилъ повара, а старикъ мой продалъ даже и всю кухонную посуду, къ которой не зналъ онъ, какъ и приступиться. Погребщикъ не подавалъ мнѣ мѣсячныхъ счетовъ съ ужасными итогами за дюжины различныхъ винъ; но бастонъ съ будущимъ моимъ тестемъ, въ удовольствіе котораго принужденъ я бывало сидѣть отъ обѣденъ до поздней ночи, ощутительно разорялъ меня. Любовь моя къ Темирѣ не давала мнѣ покою: я игралъ въ карты съ ужаснымъ нетерпѣніемъ и всегда проигрывалъ. Еслижъ когда не садился играть; то съ милыми сестрицами долженъ былъ ходить гу-

лять по рядамъ и, какъ онѣ часто забывали брать денегъ съ собою, то и платить за покупки кисеи, блондъ, лентъ и пр. и пр. изъ моего бумажника въ счетъ будущихъ расчетовъ. — Отвѣта на послѣднее письмо мое я не получилъ, — денегъ не было; но я пользовался довѣріемъ и чрезъ одного услужливаго Жида, носившаго ко мнѣ и Хорохоркинымъ галантерейныя вещи, занялъ подъ заемное письмо три тысячи рублей съ процентами, по словамъ Жида моего, самыми умѣренными, именно по 6-ти процентовъ на мѣсяцъ.—Протекъ Великій постъ и наступила уже весна. Я мало по малу привыкъ къ долгамъ и

занималъ смѣлѣе, надѣясь расплатиться, или помощію моего крестнаго, или приданымъ моей Темиры; но проклятый Жидъ разболталъ о моихъ займахъ, не смотря на то, что я при всякомъ займѣ покупалъ у него совсѣмъ ненужное и дарами награждалъ его маклерство. Довѣріе, которымъ я пользовался, начинало ослабѣвать по немногу, а въ домѣ Хорохоркина, вѣроятно также по нескромности Жидка, сдѣлались ко мнѣ примѣтно холоднѣе и часто стали спрашивать: получаю ли я письма отъ матушки и Матвѣя Петровича? Не могу изобразить всѣхъ чувствъ, волновавшихъ тогда мое сердце. Я

писалъ каждую почту къ куму Матвѣю, убѣждалъ, умолялъ; но отвѣта не было. Между тѣмъ прибылъ въ П. раненый Подполковникъ Графъ Скроминъ. Скоро заговорили о немъ въ городѣ, какъ о человѣкѣ отличныхъ достоинствъ, отличнаго ума и прекраснѣйшихъ правилъ, скоро сдѣлался онъ душею обществъ и на бѣду мою вошелъ въ домъ Хорохоркиныхъ. Правду сказать, я самъ, познакомясь съ нимъ, невольно уважалъ его: онъ не былъ знакомъ ни съ Усаковымъ, ни съ Пиголицынымъ, ни съ другими имъ подобными, не жилъ en Grand; но все у него въ квартирѣ было прекрасно и отличалось вкусомъ

и скромностію. Онъ ходилъ всегда съ подвязанною лѣвою рукою и не владѣлъ уже ею: почему остался въ П. ожидать своей отставки. Посѣщенія его въ домѣ моего нареченнаго тестя сдѣлались очень часты. Онъ не былъ, правда, такъ молодъ, какъ я; но имѣлъ прекрасную благородную наружность и былъ не болѣе 30 лѣтъ отъ роду. Съ завистію смотрѣлъ я на его эполеты и увѣшанную орденами грудь, и еще съ большею завистію на дѣлаемое ему всѣми предпочтеніе: и Темира, моя Темира уже болѣе занималась съ нимъ, нежели со мною. Я видѣлъ, какъ она ходила съ нимъ по саду въ то время, когда

меня сажали за проклятой бостонъ; я видѣлъ, какъ она нѣжно на него посматривала, какъ упрашивала остаться, когда онъ подымался, чтобъ идти домой; я слышалъ, какъ хвалила она его тогда, когда уходилъ онъ, какъ превозносила умъ его, дарованія, какъ сожалѣла о его ранѣ. Я былъ внѣ себя, проклиналъ въ душѣ моей и Подполковника, и моего крестнаго, и Темиру: уѣзжалъ домой, не доигравъ пули, дома часа по два ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и запивалъ страстные порывы ревности виномъ. Покушался писать къ Темирѣ, хваталъ перо, начиналъ и жегъ написанное; рѣшался возобновить

знакомство съ Усановымъ, пуститься въ игру и привести, если послужитъ счастіе, дѣло мое съ Темирою къ концу; а если измѣнитъ фортуна, то въ глазахъ цѣлаго семейства Хорохоркиныхъ застрѣлиться. Мысль за мыслію и одна одной ужаснѣе представлялись воспаленному моему воображенію и, потрясая душу, оставляли одно мрачное впечатлѣніе.

Такъ страдалъ я цѣлый мѣсяцъ и ясно видѣлъ, что съ каждымъ днемъ Темира становилась ко мнѣ холоднѣе и холоднѣе. Физическія силы мои не могли перенести сильныхъ потрясеній

души: я сдѣлался болѣнъ горячкою. Въ началѣ болѣзни посѣщалъ меня Хорохоркинъ часто, потомъ начали присылать каждой день человѣка навѣдываться о моемъ здоровьѣ, а наконецъ перестали о мнѣ и заботиться. Нужда заставила меня послать къ Усанову и напомнить ему о долгѣ; но Усановъ отвѣчалъ, что онъ не помнитъ, бралъ ли онъ, или нѣтъ. Что оставалось дѣлать? Я продалъ кой-какія ненужныя вещи чрезъ Жидка моего и въ цѣломъ городѣ заговорили о томъ, что я приступилъ къ продажѣ моихъ вещей.—Злобные люди подсылали даже ко мнѣ нарочно: не намѣренъ ли я продать то-то, или то-то?

Словомъ: съ каждымъ днемъ умножались мои непріятности. Подполковникъ посѣщалъ меня чаще другихъ и въ одинъ день, когда засталъ меня въ сильномъ припадкѣ, сказалъ Ефрему, чтобъ онъ пекся обо мнѣ лучше и если, какъ онъ слышалъ, вы нуждаетесь въ деньгахъ, то приди ко мнѣ и возьми, сколько надобно, только чтобъ больной не имѣлъ ни въ чемъ нужды и не былъ разстроенъ. Во всякое время толь благородный поступокъ долженъ бы былъ тронуть и самаго нечувствительнаго; но во мнѣ оный возбудилъ совсѣмъ противныя чувства. Я началъ ненавидѣть Подполковника, котораго почи-

талъ моимъ соперникомъ и врагомъ, думающимъ личиною сострадания закрыть свои виды на Темиру.— Вскорѣ послѣ сего Хорохоркинъ прислалъ мнѣ полторы тысячи рублей при слѣдующей запискѣ:

» Благодарю васъ, милостивый » государь, за одолженіе трехъ » тысячь рублей. Узнавъ, что вы » при болѣзни вашей нуждаетесь » до того, что принуждены про- » давать свои вещи, спѣшу воз- » вратить вамъ полторы тысячи » и вѣрную записку счета по бо- » стону, въ итогѣ коего вы усмо- » трите другія полторы тысячи. » Желаю душевно, чтобы вы ско-

»рѣе выздоровѣли для личнаго
»объясненія по нашему дѣлу, ко-
»торое, длясь столь долго, при-
»знаюсь, наноситъ мнѣ непріят-
»ность. Не трудитесь отвѣчать
»на сіе письменно; ибо это мо-
»жетъ васъ разстроить.«

Вашъ, государя моего,

покорнѣйшій слуга

Силуянъ Хорохоркинъ.

PS. Если вздумаете продавать вашихъ лошадей и мебель, и притомъ не дорожась; то прошу по старой дружбѣ дать мнѣ знать. Я охотно куплю все, особенно лошадей для моей Темиры, которыя ей нравятся.

Бездѣльникъ! вскричалъ я внѣ себя отъ неудовольствія и скорби: и упалъ безъ памяти на полъ!

ГЛАВА VII.

Дуель и бѣдствія.

По словамъ стараго моего Ефрема, я лежалъ около часа безъ памяти, лѣкарь отчаявался въ моей жизни; но я опомнился и чувствовалъ ужасную слабость. Двѣ недѣли я не вставалъ съ постели; наконецъ я началъ оправляться; пламя, дотолѣ пожиравшее мое сердце, казалось, начало утихать; докторъ приказалъ мнѣ прогуливаться. Я ходилъ по улицамъ и

искалъ уединенія. О Темирѣ не имѣлъ я никакихъ слуховъ: ибо никто изъ моихъ знакомыхъ не посѣщалъ меня и мнѣ казалось, что я начиналъ забывать о неблагодарныхъ. Снова приходили мнѣ на мысль служба, война, слава, матушка и мой благодѣтель. Я имѣлъ еще около 1200 рублей денегъ, могъ продать лошадей, мебель и различныя бездѣлушки, сдѣлаться съ заимодавцами и ѣхать покойно къ полку своему; но судьбѣ угодно было наказать меня горькимъ бѣдствіемъ за мою самонадѣянность, гордость и неблагодарность. Въ одну изъ моихъ утреннихъ прогулокъ встрѣтился я съ Усановымъ. —

Здравствуй, воскресшій изъ мертвыхъ! сказалъ онъ, пожавъ мнѣ руку: и! и! какъ ты похудѣлъ, знаешь ли новости? Темира твоя помолвлена, вчера было обрученіе, и она такъ прекрасно была одѣта въ твоей шали! Я остолбенѣлъ. Ты не вѣришь? спроси, кого хочешь; она мастерски поддѣла Графа Скромина и, правду сказать, прекрасная пара, если только Графъ будетъ такъ счастливъ, какъ думаетъ; но я знаю больше и лучше кое-что. Онъ говорилъ еще, но я не слыхалъ уже ничего больше: всѣ едва утишившіяся страсти вспыхнули въ сердцѣ моемъ съ новою силою. Я сожалѣлъ, что не могъ задушить

руками своими гибельнаго вѣстника. Оскорбленное самолюбіе и ревность терзали мое сердце. — Пойдемъ. сказалъ Усановъ, пойдемъ, выпьемъ по стакану мадеры за здоровье обрученныхъ: тебѣ теперь мадера лучшее лѣкарство; пойдемъ, а то вѣдь тебѣ не удастся побывать, да попировать на свадьбѣ: — я слышалъ навѣрно, что тебѣ Хорохоркинъ отказалъ отъ дому. Пойдемъ, сказалъ я рѣшительно, и въ первомъ погребкѣ выпили мы нѣсколько бутылокъ. Я чувствовалъ бодрость, сообщилъ Усанову мое намѣреніе вызвать на дуель Графа и убить его, просилъ друга моего быть секундантомъ: и сей,

какъ записный врагъ счастія ближняго, тотчасъ далъ слово; вечеромъ пришелъ онъ ко мнѣ и помогалъ сочинять самую обидную записку къ Графу и даже самъ взялся отнести ее сего же вечера. Дѣло сдѣлано, записка отнесена и вотъ отвѣтъ Скромина.

»Государь мой! я не желалъ »вамъ зла и не зналъ ничего о »вашихъ связяхъ съ Темирою, ко»гда она никому еще не принад»лежала; теперь, когда по обря»дамъ Вѣры она уже моя невѣста: »то мой долгъ есть защищать »честь ея не тѣмъ, чтобы про»лить вашу кровь, но моею жиз»нію. Завтра въ назначенный ва-

»ми часъ я буду за валомъ въ »рощѣ. Графъ Скроминъ.«

Всю ночь провелъ я безъ сна, приготовлялъ письма къ матушкѣ и къ благодѣтелю. Другъ мой спалъ покойно. Деньги, сколько имѣлъ я, отдалъ я на разсвѣтѣ старому Ефрему, не понимавшему, что такое намѣренъ я былъ дѣлать. Въ 6-ть часовъ утра я и пріятель мой Усановъ, выпивъ по два стакана пуншу, пошли въ рощу и нашли уже тамъ Графа. Я вынулъ пару карманныхъ пистолетовъ и, подавая ихъ Графу, сказалъ: *заряжайте!* Молча зарядилъ онъ пистолеты и подалъ мнѣ: я выбралъ. Усановъ отмѣ-

рилъ шесть шаговъ и мы стали другъ противъ друга. Графъ былъ покоенъ; я трепеталъ всѣмъ тѣломъ. *Стрѣляйте, вы почитаете себя обиженнымъ, отмщайте!* Я выстрѣлилъ; пуля засвистала и ударила въ близь стоящее дерево. Тогда Графъ по праву условія подошелъ на три шага ко мнѣ. Выстрѣлилъ на воздухъ, сказавъ: *я никогда не убивалъ человѣка!* и пошелъ прочь ровными шагами. Усановъ подстрекнулъ мое самолюбіе: я бросился за Графомъ и снова требовалъ удовлетворенія. Развѣ вы не довольны? спросилъ Графъ. Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ я. И такъ до завтра, а сегодня я не хочу и имѣю право отказаться. Мы

спорили, но не смѣли остановить его. Въ самой заставѣ встрѣтилъ насъ Плацъ-Маіоръ, посланный отъ Коммендаента, чтобы арестовать меня и посадить на гоубвахту. Я удивился, но не смѣя противиться, повиновался. Къ вечеру узнавъ я отъ Плацъ-Маіора, что Коммендантъ, давно замѣчавшій за моимъ поведеніемъ, былъ очень недоволенъ мною и приказалъ еще вчера вечеромъ посадить меня на гоубвахту и подъ присмотромъ отправить къ полку. Я хотѣлъ оправдываться, хотѣлъ на другой день видѣть Коммендаента; но скоро разнесся слухъ о моемъ вызовѣ Графа и о концѣ дуэля. Тогда то Коммендантъ сдѣлался

уже, не взирая на добрость свою, неумолимымъ. Онъ хотѣлъ непремѣнно сдѣлать слѣдствіе и предать меня суду; но Графъ усильными просьбами убѣдилъ его оставить это произшествіе, какъ не имѣвшее вредныхъ послѣдствій, и отправить меня въ полкъ безъ присмотра. Боже мой! какими глазами смотрѣлъ я на моего Ефрема, когда пришелъ онъ ко мнѣ на гоубвахту и сказалъ мнѣ обыкновеннымъ своимъ тономъ: эй Баринъ, Баринъ! что вы надѣлали? Изъ сострадanія къ моей молодости дано мнѣ было три дня сроку для отправленія. Въ сіе время, я не умѣю описать вамъ, что происходило со мною! Заимо-

давцы, лавошники, погребщики, и съ самыми бездѣльными претензіями бросились къ Полицмейстеру и съ чиновникомъ полиціи стояли у воротъ моей квартиры. Сколько могъ, Ефремъ расплачивался и удовлетворилъ всѣхъ; но ѣхать мнѣ было не сь чѣмъ. Тогда великодушный мой непріятель Графъ Скроминъ снова явилъ опытъ своего добродушія, тихонько далъ онъ Ефрему 200 рублей денегъ и постарался сверхъ того найти хорошаго купца на мои вещи. Я ничего не зналъ о семъ и полагалъ, что все сіе сдѣлалось стараніемъ Ефрема.

Униженный, со стыдомъ и горькимъ чувствомъ раскаянія выѣхалъ я ночью къ арміи, бывшей далеко уже за границею. Дорогою я нѣсколько успокоился и не предвидѣлъ ожидающаго меня бѣдствія. Съ первымъ шагомъ моимъ къ Полковнику я былъ осыпанъ выговорами самыми унизительными за всѣ мои шалости. Я не могъ постигнуть, какъ могъ новый мой начальникъ знать всѣ подробности, до меня касающіяся; но наконецъ узналъ, что наши раненые офицеры пересказали начало поведенія, а конецъ онаго извѣстенъ ему былъ изъ письма Комменданта города П., которой былъ ему ближайшимъ родствен-

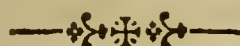
никомъ и за долгъ поставилъ предупредить его на счетъ мой. Полковникъ былъ человѣкъ строгій въ правилахъ и по службѣ, къ томужъ по новости въ полку хотѣлъ показать примѣръ и на другой же день моего прибытія приказалъ подавать въ отставку, если не желаю быть выключенъ.—Тогда-то увидѣлъ я, что низвергся въ пропасть и что не имѣю уже моего благодѣтеля, который могъ бы изторгнуть меня изъ погибели. Я подписалъ просьбу и по приказанію Полковника не долженъ былъ оставаться въ сообществѣ офицеровъ, которые могли бы легко отъ меня занять

дурныя склонности. Мѣра сія была жестока, но справедлива.— Я поѣхалъ на свои границы и тамъ въ скоромъ времени получилъ мою отставку съ самымъ посредственнымъ аттестатомъ. Что было дѣлать? Деньги, какія были у меня, я прожилъ: ибо на границѣ все было дорого. Получа отставку, я видѣлъ себя уже въ послѣдней крайности и не жалѣлъ о себѣ; но не могъ равнодушно смотрѣть на стараго Ефрема, перенесшаго такъ много горя чрезъ мою вѣтренность, распутства и беззаботливость. Тогда въ первый разъ пришла мнѣ мысль, что я, можетъ быть, уже сирота, что,

можетъ быть, матушки нѣтъ уже болѣе въ живыхъ, благодѣтеля моего также и что я, осужденный на горести и заслуживший ихъ, не долженъ дѣлать участникомъ моего бѣдствія человѣка, ни въ чемъ невиннаго. Я рѣшился отпустить Ефрема: но какъ и съ чѣмъ? Я продалъ все офицерское серебро мое, повозку и лошадей, оставилъ себѣ сто рублей, а 300 отдалъ Ефрему, написавъ и отпускную. Долго старикъ не соглашался оставить меня въ бѣдствіи; но я убѣдилъ его тѣмъ болѣе: 1, что мнѣ съ нимъ будетъ еще тягостнѣе, а 2-е, что онъ можетъ, отправясь на родину,

узнать все подробнѣе, доставить вѣрнѣе письма мои къ Матвѣю Петровичу, къ отцу Максиму и къ матушкѣ и, можетъ быть, успѣетъ упросить ихъ, чтобъ простили меня. И въ самомъ дѣлѣ я написалъ письма, описавъ подробно все, что со мною происходило, и признаваясь, что заслужилъ мое несчестіе, не смѣю просить прощенія, но осуждаю себя на бѣдность, на трудъ и на горести охотно, и что почту себя стократно счастливымъ, если успѣю моими страданіями, терпѣніемъ и вѣрою умирить справедливо раздраженное мною Правосудіе Божіе.

Съ горькими слезами разстался я съ Ефремомъ, долго провожалъ его глазами и остался въ мірѣ круглымъ сиротою, безъ помощи и безъ покрова.

✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥✥

ГЛАВА VIII.

Заключеніе, или за Богомъ молитва никогда не пропадаетъ.

Любезный читатель! несчастіе есть единственный путь исправленія порочнаго; несчастіе есть тотъ великій учитель, котораго уроки, глубоко укореняясь въ сердцѣ, произращаютъ и сѣмена врожденнаго въ ономъ добра и сѣмена Вѣры, которыя посѣяны десницею Всевышняго въ ономъ. *Безъ Бога ни до порога*, велась у

предковъ нашихъ пословица, и ничто не можетъ быть справедливѣе оной. Точно съ вѣрою въ могущество Божіе, съ упованіемъ на Его милосердіе и помощь все возможно.—Оставшись одинъ въ цѣломъ мірѣ, я первымъ долгомъ поставилъ помолиться во храмѣ Того, Кто сказалъ: *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ упокою вы*, и попросить Его помощи. Молитва меня успокоила и утѣшила. За симъ я старался забыть и мое происхожденіе и чинъ, и мое богатство, улетѣвшее, какъ дымъ. Я снялъ мой орденъ, положилъ его въ чемоданъ мой и началъ стараться искать работы, молясь каждое утро прилежно Богу и

прося Его единаго о помощи, и каждый вечеръ благодаря усердно Его за всѣ полученныя мною милости. Сначала, когда меня не знали, работа моя шла худо, успѣха не было; но я не унывалъ, не роп̃алъ на Провидѣніе, но смиряясь предъ Нимъ, говорилъ всегда самъ себѣ: ты заслужилъ еще большее несчастіе, но милость Божеская тебя милуетъ. Съ сими мыслями, превратившимися въ послѣдствіи въ любимое мое чувство, я былъ счастливъ и въ бѣдствіи. Описаніе всего того, что я переносилъ и что случалось со мною въ теченіи семи лѣтъ, можетъ составить особую книгу и когда нибудь я пред-

ставлю ее тебѣ, любезный читатель на судъ безъ прикрасъ и выдумки; тогда увидишь, что Благое Провидѣніе не оставляетъ на погибель лучшее изъ своего творенія, но всегда пребываетъ съ нимъ; ведетъ его по терновому пути, предохраняя отъ язвъ, или въ тужъ минуту изцѣляя ихъ, и за все сіе требуетъ одной полной преданности Его Святой волѣ, теплой вѣры и усердной молитвы. Много разъ падалъ я снова и всегда поддерживаемъ былъ рукою Милосердаго Творца вселенной; много перенесъ горя и нужды, но не погибъ по Его великой благости. Въ концѣ седьмаго года мо-

ихъ страданій, бѣдъ и радостей я имѣлъ трудами и кровавымъ потомъ безъ обиды ближняго нажитой небольшой капиталецъ, состоявшій изъ 1000 рублей. Тогда поблагодаря искренно Бога, я пожелалъ побывать на моей родинѣ, и предполагая, что матушка уже скончалась, поклониться на могилѣ ея и поставить какой нибудь памятникъ сыновней любви и раскаянія. Я возвратился въ тотъ городъ, гдѣ родился, гдѣ получилъ начальныя правила воспитанія, гдѣ въ первый разъ палъ я подъ бременемъ порока и наконецъ гдѣ въ первый разъ позналъ руку Всемощнаго, готовую помочь намъ

по первому нашему воззванію. — Матушки моей уже не было на свѣтѣ; но бабушка еще жила съ Ефремомъ на квартирѣ по милости отца Максима, не допускавшаго ихъ терпѣть ни малѣйшей нужды. Крестнаго отца моего также не было на свѣтѣ. Я бросился къ отцу Максиму; какъ блудный сынъ палъ къ ногамъ его и облилъ ихъ слезами. Почтенный старецъ и самъ проливалъ слезы; но ни одинъ упрекъ не вырвался изъ устъ его. Съ родительскою нѣжностію приказалъ онъ мнѣ разсказать все со мною случившееся. Я подалъ ему толстую тетрадь, въ которую записывалъ для памяти все замѣ-

чательное, всѣ чувства моего сердца. Мы сѣли, цѣлый вечеръ читали записки моего несчастія. Таковъ былъ титулъ дневника моего! По окончаніи чтенія, отецъ Максимъ обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ: перемѣни заглавіе дневника твоего; это не записки твоего несчастія, но записки Благости Господней къ заблудшему; напиши лучше: за Богомъ молитва никогда не пропадаетъ. Твой крестный былъ для многихъ здѣсь въ городѣ загадкой; но для меня онъ не былъ таковымъ: я былъ ему другомъ и теперь храню записки странной его жизни и завѣщаніе; продолжай жить хорошо, ходи ко мнѣ

чаще; завтра же я найду тебѣ мѣсто у насъ въ городѣ; а когда получишь, служи честно и молись больше Богу.—

За Нимъ, увѣренъ я, ничто не пропадетъ:
Молитва, вздохъ, слеза,—все мзду свою найдетъ.

Такъ сказалъ одинъ изъ нашихъ Поэтовъ и сказалъ истину.

Бабушка и Ефремъ чрезвычайно были рады моему возвращенiю. Я получилъ мѣсто, а прiобыкши къ труду, всякую свободную минуту посвящалъ работѣ и доставалъ честнымъ образомъ день-

ги. Тогда-то узналъ я, что познанія, пріобрѣтаемыя въ юности, подобны сѣменамъ, приносящимъ сторичные плоды въ послѣдствіи. Минуло два года, я жилъ одинаково и сдѣлался другомъ отца Максима. Тогда по совѣту и выбору его женился я на молодой благовоспитанной дѣвицѣ, не имѣвшей никакого приданаго, кромѣ добраго сердца и другихъ душевныхъ достоинствъ, составляющихъ въ сущности первое благо человѣка.

На второй день свадьбы отецъ Максимъ отдалъ мнѣ записки жизни моего крестнаго батюшки и завѣщаніе, по коему отецъ Мак-

симъ, какъ душеприкащикъ покойнаго, ввелъ меня во владѣніе всего имѣнія Матвѣя Петровича и публично обьявилъ меня его наслѣдникомъ.

Чѣмъ воздамъ Тебѣ, Создатель мой и Боже?—Любовію къ добру и твердою вѣрою, что за Тобою ни когда и ни чья молитва не пропадаетъ.

Конецъ II-й и послѣдней Части.

〰〰〰〰〰〰〰〰〰〰〰〰〰〰〰〰〰〰

ИМЕНА ОСОБЪ,

подписавшихся на сію книгу.

	Экземп.
Его Сіятельство Князь Николай Борисовичь Юсуповъ. . . .	5
Его Сіятельство Князь Иванъ Васильевичь Вяземскій. . . .	1
Его Сіятельство Графъ Сергій Петровичь Румянцовъ. . . .	10
Его Превосходительство Дмитрій Васильевичь Чертковъ. .	2
Его Превосходительство Θедоръ Ивановичь Мосоловъ.	1
Его Превосходительство Григорій Сергѣевичь Кушниковъ. .	2
Его Высокоблагородіе Θедоръ Ивановичь Евреиновъ.	1
Его Высокоблагородіе Василій Семеновичь Догоновскій. . .	4

Экземп

Его Высокоблагородіе Николай Ивановичъ Каховскій. . . . 2

Ея Высокородіе Настасья Степановна Налимова. 2

Ея Высокоблагородіе Настасья Андреевна Соколова. . . . 2

Ея Высокоблагородіе Анна Степановна Пухинская. 2

Коллежскій Совѣтникъ Василій Ивановичь Григорьевъ. . . . 1

Его Благородіе Арсенiй Семеновичь Грековъ. 2

Его Благородіе Василій Александровичь Рязанцовъ. 2

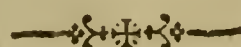
Его Высокоблагородіе Семенъ Николаевичь Соколовъ. 3

Его Высоблагородіе Климъ Львовичь Болышевъ. 2

Его Благородіе Николай Ивановичь Кручининъ. 2

Его Благородіе Семенъ Ѳедоровичь Киселевъ. 3

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Экзем.

Московскіе купцы:

Алексѣй Васильевичь Клушинцовъ.	1
Иванъ Гавриловичь Поповъ. . .	1
Владиміръ Ивановичь, Михайла Ивановичь Тугаревы.	2
Алексѣй Васильевичь Чистяковъ.	1
Семенъ Алексѣевичь Мазуринъ.	1
Павелъ Ивановичь Колокольниковъ.	1
Александръ Ивановичь Колесниковъ.	1
Василій Александровичь Лазаревъ.	1
Иванъ Михайловичь Доброхотовъ.	2
Андрей Васильевичь Глазуновъ.	50
Александръ Сергѣевичь Ширяевъ.	50
Иванъ Васильевичь Базуновъ. .	2
Николай Ивановичь Раковъ. . .	1
Андрей Ивановичь Стебаковъ. .	1
Алексѣй Никитичь Морозовъ. .	1
Семенъ Алексѣевичь Алексѣевъ. .	1
Алексѣй Никитичь Горячевъ. .	1
Петръ Ивановичь Базуновъ. .	25
Иванъ Лукичь Тагостинъ. . .	1

Экземп.

Александръ Гаврилович Шевіолкинъ. 1
Филипъ Иванович Соколовъ. . 2

Иногородныя особы:

Василій Иванович Башкаревъ. . 1
Александръ Григорьевичь Спорышовъ. 2
Алексѣй Михайловичь Княинчевъ. 1
Андрей Яковлевичь и Левъ Яковвичь Княинчевы. 2
Неизвѣстный. 1
— — — 1
— — — 1
— — — 1
Николай Аѳанасьевичь Усовъ. . 2
Неизвѣстный. 1
Михайла Ѳедоровичь Горбатовъ. 1
Алексѣй Гаврилович Петровъ. 1
Неизвѣстный. 1
— — — 1
Гаврила Петровичь Прохоровъ. . 1

Экземп.

Александръ Васильевичь Батюшинъ. 1

Его Высокородіе Степанъ Степановичь Пухинскій. 1

Неизвѣстный. 1

— — — 2

— — — 1

— — — 3

— — — 1

— — — . . . . 2.

THE LIBRARY OF CONGRESS

INFORMATION
CONSERVATION, INC
JAN.-FEB. 1988

